

РУССКІЙ

ВѢСТНИКЪ

С. Марковичъ

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

1869

000017

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. САМОЗВАНЕЦЪ СТЕПАНЪ МАЛЫЙ. (Окончаніе.) В. Макушева.
- II. ПРОЦЕССЪ ЛЕЗЮРКА И ВОПРОСЪ О ВОЗОВНОВЛЕНІИ УГЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ. (Окончаніе.) М. С. Гольденвейсера.
- III. СУДЬБЫ ПАПСКОЙ ВЛАСТИ ПРИ НАПОЛЕОНЪ I. Е. М. Теофтистова.
- IV. ПУТЕШЕСТВІЕ ЦЕСАРСКАГО ПОСОЛЬСТВА ИЗЪ ВѢНЫ ВЪ МОСКВУ ВЪ 1655 ГОДУ. Переводъ съ сербскаго К. Петковича.
- V. ПЕМБЕ. Разказъ изъ эпиро-албанской жизни. К. Н. Леонтьева.
- VI. ЯПОНИЯ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ХРИСТИАНСКОЙ МИССИИ. Иеромонаха Николая.
- VII. ЕЛТОНСКІЙ СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛЬ. Д. П. Гаврилова.
- VIII. ПОЛЬСКІЕ АГЕНТЫ ВЪ ЦАРЪГРАДѢ. Гл. П. В. И. Кельсера.
- IX. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ. Густава де-Молинари.
- X. ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНИХЪ ЗАКОНОВЪ О ПРАВОСЛАВНОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ ВЪ РОССИИ. П. К. Щербальскаго.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

БУЛГАМПТОНСКІЙ ВИКАРІЙ. Романъ. Соч. Антони Тредлона. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. I—VIII.

Я П О Н І Я

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

ХРИСТИАНСКОЙ МИССІИ

Отправившись въ Японію въ званіи настоятеля консульской церкви, съ миссіонерскою цѣлю, я старался, въ продолженіи моего восьмилѣтняго пребыванія тамъ, изучить японскую исторію, религію и духъ японскаго народа, чтобъ узнать въ какой мѣрѣ осуществимы тамъ надежды на просвѣщеніе страны евангельскою проповѣдью. Чѣмъ больше я знакомился со страной, тѣмъ больше убѣждался что очень близко время когда слово Евангелія громко раздастся тамъ и быстро понесется изъ конца въ конецъ имперіи.

Въ этой тридцати-пяти-милліонной имперіи крайняго Востока все какъ-то чудно, все не по-нашему, но вмѣстѣ и не по-восточному. Какъ мы понимаемъ? Востока? Абсолютный деспотизмъ сверху и безответное раболѣпство снизу, невѣжество, отупѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ невозмутимое самодовольство и гордость, а вслѣдствіе этого неподвижность,—вотъ понятія которыя у каждаго изъ насъ неразрывно связаны съ понятіемъ о восточныхъ государствахъ. Тѣмъ болѣе, повидимому, означенныя качества должны бы принадлежать Японіи, какъ странѣ очень древней и, во все время своего существованія, имѣвшей сношенія почти исключительно съ однимъ Китаемъ, отсталость и неподвижность котораго вошли въ пословицу. И что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ въ Японіи? Императорская династія здѣсь, правда, считается, какъ почти вездѣ на Востокѣ, имѣющею божественное происхожденіе, но

деспотами, въ томъ смыслѣ какой мы привыкли соединять съ этимъ словомъ, императоры никогда не были. Я встрѣтилъ въ исторіи лишь одного императора, въ періодъ наиболѣе цвѣтущаго состоянія Японіи, который взглянулъ было на свою власть какъ на принципъ полнѣйшаго самовольства, и вслѣдствіе того сталъ охотиться на людей съ лукомъ и стрѣлами и дѣлать тому подобныя дурачества, но его постигла внезапная смерть, и исторія очень недвусмысленно говоритъ о причинѣ этой внезапности. Другой, наследникъ престола, показывалъ наклонность сдѣлаться подобнымъ императоромъ, но за эту наклонность государственный совѣтъ прямо лишилъ его права на престолъ. Вообще объ императорской династіи въ Японіи (она одна отъ самаго основанія имперіи, съ 667 г. до Р. Хр.) можно не обинуясь сказать что она блистательно исполнила свой долгъ: дала странѣ очень хорошее гражданское устройство,—лучшее чѣмъ то которое существуетъ теперь не по винѣ императоровъ,—доставила народу военную славу завоеваніемъ корейскихъ государствъ, ввела его въ сношенія съ Китаемъ и чрезъ то даровала странѣ хоть то образованіе которое выработалъ до нея Китай, и, наконецъ, жертвуя собой, своимъ божественнымъ авторитетомъ, внесла въ имперію буддизмъ, болѣе высшую форму религіознаго сознанія чѣмъ древнѣйшая религія Японцевъ—*синту*, обожаніе духовъ предковъ.

Кончивъ свою миссію, и какъ будто истощенная ею, императорская династія впала въ бездѣтельность, въ апатію, и Японія, не задумываясь долго, создала себѣ новую форму правленія. Вышло нѣчто очень оригинальное: императоръ, по видимому, продолжалъ быть тѣмъ же императоромъ; титулы и почести на словахъ и въ книгахъ остались за нимъ, но власть перешла къ болѣе живымъ и сильнымъ дѣятелямъ—сѳогунамъ (сѳогуи въ буквальномъ переводѣ: генералъ). Съ этими властителями Японія уже не много церемонилась: сѳогуиныхъ династій, менѣе чѣмъ въ продолженіе 700 лѣтъ (съ 1186 г.), у нея перебивалось шесть, причемъ только тѣ изъ сѳогуновъ держались крѣпко и прочно, кто удовлетворялъ національнымъ потребностямъ. Это ли деспотизмъ? И гдѣ же безответность и рабство? Начните говорить съ людьми разныхъ сословій, спуститесь до крестьянина самаго глухаго околотка, и вы удивитесь здравому и вмѣстѣ независимому образу мыслей народа о своемъ правительствѣ. Самый строгій образъ правленія былъ установленъ послѣднею,

визверженною въ прошломъ году, сѣогунскою династіей. Японія была опутана сѣтью шпіоновъ; самыя суровыя мѣры были приняты для устраненія сношеній съ иностранцами. Но первое относилось почти исключительно къ обузданію удѣльныхъ князей; второе, по понятію сѣогунвъ, очень основательному триста лѣтъ тому назадъ, предупреждало страну отъ завоеванія ея иностранцами. Что же касается до народа, то онъ имѣлъ гораздо болѣе условій къ сознанию своей гражданской свободы чѣмъ народы многихъ государствъ въ Европѣ. И при всемъ томъ какъ еще недоволенъ былъ народъ существовавшимъ порядкомъ вещей! Интересно было послушать какъ купецъ негодовалъ на такія-то и такія-то пошлины, правду сказать, вовсе не обременительныя, какъ крестьянинъ ропталъ за взиманіе повинностей, какъ всѣ презрительно отзывались о чиновникахъ, которые „почти всѣдаже взятки берутъ, такіе они негодные!“ какъ вообще весь народъ корилъ правительство за бѣдность страны, между тѣмъ какъ нищихъ почти не видно, и каждую ночь, въ любомъ городѣ, улицы увеселительныхъ домовъ стонуть отъ музыки и пляски. Это ли восточное безгласное раболѣпство предъ властелинами?

Изъ сказаннаго уже видно отчасти что Японцы вовсе и не ступѣлый и не невѣжественный народъ. Правда, образованіе здѣсь не высоко и не глубоко, но за то оно разлито почти равномерно по всѣмъ слоямъ народа. Конфуцій здѣсь альфа и омега ученой мудрости, но зато онъ, будучи задолбленъ до послѣдней буквы ученымъ Японцемъ, небезызвѣстенъ и послѣднему простолюдину, который по немъ, большею частью, учится читать и писать. Про другія страны міра до послѣдняго десятилѣтія и самыя ученые Японцы почти ничего не знали; но за то и въ отдаленной деревушкѣ вы не найдете такого невѣжды который бы не зналъ кто такой Іоритомо, Іосидуне, Кусуноки, Масасинге и прочіе историческіе дѣятели, или не сумѣлъ бы сказать, на сѣверъ или на западъ отъ него лежитъ Едо, Міяко и другіе важныя мѣстности. Весной вы идете по улицѣ и видите толпы ребятшекъ пускающихъ змѣя; васъ заинтересовала чудовищная рожа намализованная на змѣѣ: спросите у ребятшекъ кто нарисованъ,—они наперерывъ другъ предъ другомъ поспѣшатъ разказать что это Кіёмори, или Такаудзи, или кто другой, и будьте увѣрены, они разкажутъ исторію удовлетворительно: мать или старшій братъ, готова имъ змѣя, позаботились въ то же время ознакомить ихъ съ этимъ

историческими лицами; а часто короткая повѣсть объ нихъ напечатана тутъ же на оборотѣ листа. Вотъ остановились на улицѣ двѣ дѣвушки и разсматриваютъ картинку въ книжкѣ; одна изъ нихъ хвастается предъ своею подругой покупкой которую только что сдѣлала: это какой-нибудь историческій романъ. Покупать книги здѣсь, впрочемъ, нѣтъ особенной надобности: здѣсь такое множество общественныхъ библиотекъ и такъ баснословно дешево берутъ за чтеніе книгъ, причеиъ даже не нужно трудиться ходить въ библиотеку, потому что книги разносятся ежедневно по всѣмъ улицамъ и закоулкамъ! Полюбопытствуйте заглянуть въ эти библиотеки: вы увидите почти исключительно военно-историческіе романы (таковъ вкусъ народа воспитанный вѣковыми междуусобными смутами), и вы не найдете книги въ дѣвственной чистотѣ; напротивъ, онѣ истрепаны, такъ что въ иномъ мѣстѣ невозможно и прочеать написанное: несомнѣнный признакъ что японскій народъ читаетъ. Да, число грамотныхъ и читающихъ въ Японіи не уступитъ количеству таковыхъ въ любомъ изъ западныхъ государствъ Европы (о Россіи я и не говорю!), и это несмотря на то что самыя простыя японскія книги писаны наполовину китайскими знаками. Вѣдь чтобъ овладѣть процессомъ чтенія ихъ нужно убить три-четыре года! И при всемъ томъ Японцы прилежно учатся читать. Этотъ ли народъ можно назвать отупѣлымъ? Что же касается до гордости, самодовольства и неподвижности, то событія послѣдняго пятнадцатилѣтія служатъ нагляднымъ доказательствомъ того что Японцамъ чужды и эти качества въ тѣхъ размѣрахъ въ какихъ мы приписываемъ ихъ восточнымъ народамъ. Правда, у Японцевъ много національной гордости, и они не могутъ не имѣть ея: въ продолженіи двадцати пяти вѣковъ существованія ихъ имперіи, они ни разу не согнули своей шеи подъ чужое ярмо; ни разу даже переизничивы жребій войны не далъ имъ случая усомниться въ своемъ превосходствѣ надъ другими націями. Напротивъ, всякій разъ когда они сталкивались съ Айнами, съ Кореей и даже съ Китаемъ, они лишь торжествовали успѣха своего оружія. Первые, наконецъ, окончательно покорились имъ, или ушли отъ нихъ на Курильскіе острова: Корея цѣлые вѣка несла имъ дань; самый Китай, по временамъ, заискивалъ и пресмыкался предъ ними; словомъ, исторія ихъ внѣшнихъ сношеній, до послѣдняго времени, всегда неизмѣнно оставалася

лишь исторіей побѣдъ и торжества. Прибавьте къ этому ученіе ихъ національной религіи, остающейся и до сихъ поръ и завѣряющей ихъ что они произошли отъ боговъ, что Японія вѣчная любимица боговъ, что прочія страны что-то въ родѣ пустырей созданныхъ богами какъ бы случайно и потому заброшенныхъ безъ всякаго вниманія. Удивительно ли что Японцы до послѣдняго времени смотрѣли на иноземцевъ какъ на варваровъ, не очень высоко цѣнили ихъ силы и даже строили планы подчиненія себѣ всего свѣта? Но увы! даже и въ тѣ времена самодовольства и гордости, въ параллель къ партіи слишкомъ высоко мечтавшей объ Японіи, была партія совершенно противоположная ей. Непуганнымъ католическими пропагандистами ХVІ столѣтія, Японцамъ глубоко запала въ душу мысль что Европейцы непременно имѣютъ намѣреніе завоевать ихъ страну, и въ каждомъ китобой, случайно появлявшемся у ихъ береговъ, чужь безпрестанно мерещился шпионъ подглядывающій что дѣлается у нихъ. А сколько тревоги надѣлали когда-то наши Хвостовъ и Давыдовъ! Какъ Японія зашевелилась и стала вооружаться! Какую громкую славу приобрѣли себѣ здѣсь эти два немного взбалмошные лейтенанта, и какой ужасъ навели на всѣхъ, начиная отъ Кунашира до Кіусіу! И какъ они подыали кредитъ Россіи въ глазахъ Японцевъ: и Англія сдѣлалась одною изъ русскихъ губерній, и весь свѣтъ предпринялъ завоевать нашъ царь заодно съ турецкимъ султаномъ! Наконецъ, чему я не хотѣлъ вѣрить, пока самъ не прочиталъ въ очень серіозной японской книгѣ, были Японцы до того боявшіеся иностранцевъ что предлагали проектъ провести по всѣмъ побережьямъ Японіи каналы, чтобъ избѣжать плаванія по морю гдѣ ходятъ иностранныя суда, и правительство уже приступало къ исполненію этого проекта, по крайней мѣрѣ посылало инженеровъ осматривать мѣста удобныя для проведенія каналовъ. Это ли гордость и самонадѣянность! А что говорятъ событія послѣдняго времени? Едва прошло пятнадцать лѣтъ съ открытія Японіи для Европейцевъ, и посмотрите какъ измѣнился духъ правительства и народа. Не говоря уже о правительствѣ, почти каждый удѣльный князь выбивается изъ силъ чтобы завести у себя пароходъ, достать европейское военное оружіе, обучить солдатъ европейской военной тактикѣ, приобрести молодыхъ людей свѣдущихъ въ европейскихъ языкахъ и наукахъ. Какъ встре-

пенула народъ, какъ всё ясно увидѣли свою отсталость, и какъ искренно и энергично стараются поправить дѣло! Какъ всё хотять видѣть, знать, изучить европейское! Живущіе въ Японіи знаютъ съ какимъ самоотверженіемъ молодые люди добиваются случая попасть за границу; безъ преувеличенія можно сказать, что еслибы была матеріальная возможность, полъ-Японіи уѣхало бы за границу учиться. Похоже ли все это на Китай, который цѣлыя столѣтія знакомъ съ Европейцами, и при всемъ томъ до сихъ поръ воображаетъ что не ему слѣдуетъ учиться отъ Европейцевъ, а что, напротивъ, Европейцы пріѣзжаютъ позаимствоваться отъ него свѣтомъ мудрости. Когда-то Японія со всею готовностію и охотой приняла китайскую цивилизацію; шестнадцать вѣковъ она неизмѣнно была подъ ферулою этой цивилизаціи и прониклась ею, повидимому, до мозга костей. Вездѣ, начиная отъ постройки дома до религиозныхъ убѣжденій, вездѣ и во всемъ копировка Китая; своего собственнаго Японцы не изобрѣли ровно ничего, кромѣ развѣ сѣогунскаго званія, и то оправдываемаго ими на основаніи подходящихъ примѣровъ изъ китайской исторіи. Даже подъ сомнѣніемъ, ихъ Синту не есть ли тоже заимствование древнѣйшей китайской религіи; все это, если хотите, доказываетъ мелкость японскаго народнаго генія (а быть-можетъ и то что геній народа вообще не можетъ развиваться безъ взаимодѣйствія другихъ народовъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ случай убѣдиться что Японцы одарены удивительною упругостію духа. Весь наплывъ китайской цивилизаціи былъ какъ будто чѣмъ-то допущеннымъ по уговору на время. Теперь она не нужна, и Японцы легко и свободно бросаютъ ее, какъ сбрасываютъ устарѣлое платье, и смѣло, можно сказать, дерзкою рукой хватаются за все европейское. Взгляните что дѣлается въ настоящую минуту: они, ни болѣе ни менѣе, трудятся пересадить на свою почву англійскую конституцію, съ ея выборными, съ ея парламентомъ, съ ея королевскою властію; да, говорятъ, и то еще мало; „хотѣли-де ввести американскій образъ правленія, да не могли справиться съ нимъ, немного раненько для страны“. Конечно, еще сомнительно, во-время ли имъ и англійская конституція; ихъ возня съ нею что-то очень напоминаетъ мартышку и очки: въ одно полугодіе прошлаго года они ужъ успѣли два раза редижировать свою конституцію, не считая разныхъ подскребокъ и

подчистокъ, встрѣчающихся въ официальныхъ газетахъ. Но я хочу указать лишь на то какъ Японцы живы и свѣжи духомъ, и какъ быстро они откликнулись на призывъ европейской цивилизаціи.

Какая же у этого народа религія, и какъ онъ относится къ ней? Японскій народъ, наравнѣ съ китайскимъ, справедливо укоряють въ атеизмѣ, или въ индифферентности къ дѣламъ вѣры. Но что за причина этихъ качествъ, повидимому, совершенно несвойственныхъ народамъ полуобразованнымъ? Тотъ ли это атеизмъ что по временамъ охватываетъ и европейское общество, приводя въ смущеніе благочестивыя души и возбуждая горячую дѣятельность апологетовъ вѣры? Нѣтъ, совершенно другой. Въ Европѣ атеизмъ всегда служитъ въ извѣстной мѣрѣ характеристическимъ указателемъ успѣха въ наукахъ, поднятія умовъ на высшую ступень развитія. Первые поставившіе ногу на эту ступень, въ порывахъ безотчетной радости вѣнчающей успѣхъ, провозглашаютъ на всѣ лады торжество ума человѣческаго, его всемогущество, его высшую авторитетность, не хотятъ оглянуться ни на что другое, хладнокровно взвѣсиль свою находку и указать ей приличное мѣсто въ кругу знаній человѣческихъ. Толпа сбѣгается на зовъ этихъ глашатаевъ и вторитъ имъ, часто не понимая въ чемъ дѣло. Но вотъ на ту же ступень взошли и люди болѣе хладнокровные, ступили туда, наконецъ, хранители и истолкователи богооткровенной истины, рассмотрѣли въ чемъ дѣло, случили новое открытіе съ ученіемъ вѣры и, къ удивленію массы, это открытіе оказалось не только не противорѣчающимъ вѣрѣ, но подтверждающимъ ея истинность. Принимаютъ народы плодъ науки въ кругъ своихъ знаній, еще крѣпче привязываются душою къ своей неизмѣнной, спасительной истинѣ, и продолжаютъ свой путь, и цѣлые вѣка будутъ идти. Много разъ слабодушные будутъ имѣть случаи претыкаться на этомъ пути, но не исчерпаютъ народы безбрежнаго океана божественной мудрости, не возвысятся, не покичатся человѣческое знаніе надъ истинами религіи, и не истощитъ человѣческая правственность ея идеаловъ святости. Не то въ языческихъ странахъ вообще, не то и въ Японіи. Здѣсь атеизмъ высшихъ обществъ и индифферентизмъ низшихъ происходитъ прямо и положительно отъ недостаточности религіозныхъ ученій, отъ того что народъ исчерпалъ ихъ до дна, и они больше не удовлетворяютъ его.

Вотъ *сикту*. Что это за религія? Поклоненіе духамъ предковъ, начиная съ самыхъ первыхъ боговъ въ мірѣ. Что же это за боги? Видны въ нихъ могущество, мудрость, величіе и тому подобныя качества? Ни одного; это просто слабые смертныя, даже безъ тѣхъ чувственно-привлекательныхъ качествъ которыми боги Греціи когда-то вдохновляли поэтовъ и художниковъ къ созданію неподражаемыхъ образцовъ классическаго искусства. Если японскіе боги иногда творять, то этотъ актъ совершенно не вяжется съ другими ихъ дѣйствіями, обличающими въ нихъ образцовое тупоуміе. Самый первый богъ явился въ мірѣ случайно, уже послѣ того какъ хаосъ раздѣлился и образовалъ небо и землю. О дѣйствіяхъ этого бога и слѣдовавшихъ за нимъ пяти поколѣній неизвѣстно ровно ничего. Лишь боги седьмаго поколѣнія начали творить. „Внизу, должно-быть, есть земля,“ сказалъ Изанаги, стоя вмѣстѣ съ богиней Изанами на небесномъ мосту. Онъ погрузилъ небесный жезлъ внизъ; съ поднятаго жезла капнула капля и образовала островъ. Изанаги и Изанами сошли на него и стали обходить кругомъ, онъ въ одну сторону, она въ другую. Когда сошлись, она первая сказала привѣтствіе. Изанаги разсердился за непочтительность, такъ какъ ему должно было принадлежать первое слово, и боги обошли островъ снова. На этотъ разъ Изанами придержала языкъ. Послѣ первыхъ объясненій, оказалось что они могутъ быть мужемъ и женою; но какъ? Къ счастью, откуда-то взялась очень живая птичка, извѣстная въ Россіи подъ именемъ сивицы, сѣла предъ ними и научила ихъ супружеству. Тогда они стали раждать японскіе острова; первожденнымъ они были недовольны, такъ онъ оказался весьма небольшимъ (островъ Авадзи); они родили побольше и т. д., наконецъ, родили горы, лѣса, моря и животныхъ. Изъ всѣхъ ихъ дѣтей Аматерасуками оказалась самою красивою, и они послали ее управлять небомъ: это богиня солнца. Но ихъ сынъ Сосано, къ неудовольствію родителей, оказался совершеннымъ грубіаномъ и забіякой; бить, сокрушать, приводить въ слезы было его любимымъ занятіемъ; родители послали его за это въ адъ. Предъ отходомъ туда, Сосано попросился сходить на небо, повидаться со своею старшею сестрой. Сестра испугалась его прихода, думая что онъ замыслилъ отнять у нея владѣнія, и встрѣтила его вооруженная съ ногъ до головы, но Сосано успѣлъ увѣрить ея

въ невинности своихъ намѣреній и оставленъ былъ погостить. Ему, однако, не терпѣлось безъ проказъ: то онъ вытопчетъ рисовыя поля сестры, загнавши на нихъ лошадей, то, подкравшись къ окну у котораго она сидитъ за ткацкимъ станкомъ, нечаянно испугаетъ ее до того что она до крови уколетъ себѣ руку челнокомъ. Наконецъ онъ окончательно вывелъ ее изъ терпѣнія, когда сдѣлалъ одно крупное неприличіе въ ея парадной комнатѣ, въ которой она приготовилась праздновать осенній урожай. Безъ малѣйшей опаски, она вошла и сѣла чтобы начать праздничную трапезу, но, о ужасъ! запахъ пренесносный, и новое платьѣ все испачкано! Огорченная до глубины души, богиня солнца ушла въ пещеру и заворилась навсегда. Можно себѣ представить что сталося съ несчастнымъ міромъ: все погрузилось въ мракъ; ни дня, ни ночи; всѣ бродятъ оцупью. Боги думали было что Аматерасу посердится и выйдетъ. Не тутъ-то было! Она не на шутку разсердилась. Боги были не глупы, знали чѣмъ выманить свою любимицу. Они собрались у входа пещеры, насадили зеленыхъ деревьевъ и увѣшали ихъ разными прелестями, заманчивыми для женскаго глаза, какъ-то: зеркаломъ, ожерельями; тутъ же посадили пѣтуха, заставили его пѣть, а сами ударили плясовую. Не вытерпѣла богиня, отодвинула камень чтобы взглянуть въ отверстіе; но въ ту же минуту руки ея очутились въ сильныхъ дланяхъ бога силы, который заранѣе поставленъ былъ на стражѣ у входа; какъ ни упиралась богиня, но была вытащена; тутъ ее окружили соломЕННОЮ веревкой, пристали съ просьбой: „не уходи, не уходи опять!“ и тутъ же обѣщались примѣрно наказать негодяя Сосано. Аматерасу не заставила себя долго упрашивать, и вотъ міръ до сихъ поръ наслаждается солнечнымъ свѣтомъ. А Сосано пришлось плохо: ему скрутили руки назадъ, выщипали ему длинную бороду и сбросили съ неба. Онъ, впрочемъ, не потерялся и на землѣ. Онъ упалъ въ теперешнюю провинцію Идзумо; злѣсь набрелъ на плачущихъ старика и старуху; при вопросѣ о чемъ плачутъ, они объяснили что семиголовый змѣй переѣлъ всѣхъ ихъ дѣтей: теперь очередь за послѣднею дочерью. Сосано обѣщался убить змѣя, если они потомъ отдадутъ за него дочь; старики съ радостію согласились. Тогда Сосано велѣлъ построить семь шамашей и въ каждыя поставить по бочкѣ вина, а самъ спрятався и сталъ ждать; змѣй пришелъ, ощутилъ запахъ

вина, вложилъ въ каждый шалашъ по головѣ и натянулся до-пьяна, такъ что заснулъ. Тогда Сосано сталъ рубить его въ куски; когда дошелъ до хвоста, его сабля, при ударѣ, зазубрилась; онъ осмотрѣлъ хвостъ внимательнѣй и нашепъ въ немъ саблю, которую и препроводилъ въ подарокъ сестрѣ Аматерасу. За тѣмъ женился, построилъ домшко и сталъ жить-поживать; даже сложилъ пѣсенку про свое веселое житье, извѣстную и донынѣ. Въ Идзумо онъ пользуется особенно усерднымъ почитаніемъ. А Аматерасу продолжала жить по-своему: воспитавъ сына Сосано и усыновивъ его, она хотѣла было отправить его на землю, но этотъ отказался, предоставивъ свои права сыну, Ниниги. Аматерасу и послала Ниниги въ Японію, отдавъ ему эту страну въ потомственное владѣніе. Съ нимъ она отправила большую свиту, наказавъ ей хранить господина и вѣрно служить ему; вручила также внуку, при прощаньи, зеркало, мечъ и осмигранный драгоценный камень, какъ знаки его достоинства. Ниниги сошелъ на землю, заблудился было здѣсь, но, по счастью, встрѣтившійся богъ путей Сарудихико проводилъ его въ Хиунга (на островъ Кіусіу), гдѣ онъ и поселился. Его дѣти: Хоносусо и Хоходоми раздѣлили между собою занятія: первый удилъ рыбу, второй охотился за звѣрями, и каждый изъ нихъ былъ очень счастливъ въ своей ловлѣ. Однажды они, для пробы, помѣнялись орудіями охоты; но Хоносусо ничего не досталъ въ горахъ и возвратилъ лукъ и стрѣлы брату; а Хоходоми не только ничего не поймалъ на рыбной ловлѣ, но и уду потерялъ; въ вознагражденіе онъ сдѣлалъ брату своему новую уду, но тотъ ничего не хотѣлъ вмѣсто своей прежней и настойчиво требовалъ ее. Хоходоми, въ горести бродя по берегу моря, встрѣтился съ однимъ старикомъ, который, узнавъ причину его печали, сдѣлалъ коробъ и въ немъ спустил Хоходоми на дно морское. Здѣсь Хоходоми нашелъ великолѣпный дворецъ морскаго бога, который хорошо принялъ его и женилъ на своей дочери. Чтобы найти удочку, собраны были рыбы, у одной замѣченъ былъ ротъ пораненнымъ, и удочка оказалась у ней. Три года прожилъ здѣсь Хоходоми, и когда, наконецъ, захотѣлъ отправиться на землю, морской богъ снабдилъ его на всякій случай двумя шариками, имѣвшими свойство, когда бросить тотъ или другой въ море, возвышать или уменьшать морской приливъ. Возвратясь на землю, Хоходоми, при помощи

этихъ шариковъ, одолѣвъ брата, закрѣпилъ за собою власть и сталъ мирно царствовать. Но при рожденіи сына, онъ лишился своей жены. Тоётоми, почувствовавъ приближеніе родовъ, сказала мужу: „я беременна; выбравъ бурный день, построй мнѣ на берегу родильный шалашъ, и ожидай.“ Входя въ приготовленный шалашъ, Тоётоми запретила мужу идти за нею; но Хоходэми, подстрекаемый любопытствомъ, пробрался къ шалашу и сталъ подсматривать: онъ увидѣлъ лежащаго дракона, обхватившаго ребенка. Замѣтивъ что за нимъ подсмотрѣли, драконъ быстро ушелъ въ море. Такъ какъ шалашъ еще не успѣли покрыть, когда Тоётоми пришло время родить, то новорожденный названъ былъ Фукиаваседзу (непокрытый). Отъ Аматерасу до него включительно пять поколѣній: это и есть такъ-называемыя поколѣнія земныхъ боговъ. Вотъ нить главныхъ событій космогоніи синту. Но генеалогія боговъ этимъ далеко не оканчивается, а скорѣе только здѣсь начинается. Къ семи поколѣніямъ небесныхъ боговъ Японцы почти не обращаются, земныхъ боговъ, за исключеніемъ высоко-читимой Аматерасу, то же рѣдко утруждаютъ молитвами: эти области очень высоки и неподходящи для обыденнаго богопочитанія. При всемъ томъ Японія полна богами. Откуда же они? Очевидно откуда. Съ сыномъ Фукиаваседзу, Дзинму, первымъ въ ряду микадо, начинается достовѣрная исторія Японіи. Дзинму перешелъ съ Кіусіу на Ниппонъ, которымъ тогда владѣли Аины, драмса съ ними, былъ на первый разъ отгѣсненъ, потомъ успѣлъ отнять у нихъ значительную часть территории и утвердился на Ниппонѣ: все это дѣйствія очень обыкновенныя для простыхъ смертныхъ завоевателей, но въ то же время Дзинму былъ сынъ бога, потомокъ Аматерасу и чрезъ нее небесныхъ боговъ, очевидно что онъ и самъ богъ. Занимъ въ той же степени боги всѣ его преемники, до нынѣшняго микадо, о которомъ Японцы выражаются что „только пожелай онъ, небесный огонь сейчасъ же падетъ и попадетъ всѣхъ иностранцевъ“. И вотъ, слѣдовательно, рядъ боговъ уже болѣе доступныхъ для каждаго, потому что эти боги болѣе знакомы съ земными дѣлами. Изъ ряда императоровъ, микадо ознаменовавшіе себя чѣмъ-либо особенно полезнымъ для отечества чтутся съ особеннымъ усердіемъ. Напримѣръ, Хациманъ. Кто же такой Хациманъ, которому такое множество храмовъ въ Японіи, и въ честь котораго устраиваются такіа великолѣпныя

военныя процессіи? Это бывшій микадо Воодзинъ. Вы раз-
 вертываете исторію, прочитываете про Воодзина и, правду
 говоря, не находите ничего особеннаго: онъ былъ изъ очень
 обыкновенныхъ микадо. Но вы забыли главное; взгляните
 въ исторію предшествовавшаго микадо: это была мать Во-
 одзина, Дзингу, завоевавшая Корею; а завоевала-то собствен-
 но не она, а Воодзинъ, которымъ она была беременна въ
 ту пору. Всякому извѣстно какъ это было; императрицѣ
 совсѣмъ ужъ приходило время родить, когда она собиралась
 въ Корею, но она взяла на берегу простой камушекъ, за-
 ткнула его за поясъ и сказала: „да не родится дитя пока я
 съ побѣдой не вернусь въ отечество“, и дитя не родилось,
 оно только перемѣстилось на болѣе удобную, по его мнѣ-
 нію, квартиру. Дзингу во время похода была вооружена;
 между прочимъ одинъ изъ рукавовъ ея платья замѣчали по-
 стоянно наполненнымъ чѣмъ-то; всѣ думали что тамъ у нея
 нужныя въ походѣ вещи: ремешки, веревочки и т. п., но всѣ
 ошибались: тамъ и былъ Воодзинъ, только не въ рукавъ, а
 въ рукъ. Итакъ не великая ли услуга отечеству и вмѣстѣ
 не дивная ли сила божественная завоевать государство бу-
 дучи еще въ тѣлѣ матернемъ? Понятно послѣ этого отчего
 Хацимана такъ усердно чтутъ военные, считающіе его по
 преимуществу своимъ богомъ. Предки микадо боги и само-
 го микадо и всего народа вообще. Но съ неба вмѣстѣ съ
 Ниниги пришло много великихъ мужей; ихъ потомки живутъ
 и доселѣ, и чтутъ ихъ какъ своихъ фамилныхъ боговъ; но
 дѣянія тѣхъ мужей принесли пользу всему отечеству, поэто-
 му и весь народъ, за исключеніемъ самого микадо, обязанъ
 чтить ихъ, и чтить. Наконецъ весь японскій народъ, если
 разобрать его родословную, божественнаго происхожденія:
 всѣ въ концѣ концовъ происходятъ отъ Изанаги и Изана-
 ми, поэтому всѣ боги, и каждый человѣкъ обязанъ чтить
 своихъ предковъ какъ боговъ, молить ихъ о покровитель-
 ствѣ, приносить имъ жертвы; степенью богопочтенія къ
 предкамъ обуславливается для каждаго домашнее счастье
 или несчастье. Входя въ японскій домъ и любопытствуя
 взглянуть на божицу, вы всегда найдете бумажку съ имена-
 ми и жертвы предъ нею; на вопросъ о значеніи бумажки, вы
 узнаете что на ней имена домашнихъ пенатовъ. Иногда тутъ
 же стоитъ безобразный, законченный идолъ: это непременно
 предокъ, чѣмъ-нибудь особенно хорошимъ ознаменовавшій

себя для рода. Часто этотъ предокъ заинтересуетъ васъ своимъ каррикатурнымъ, уморительнымъ видомъ; вамъ хотѣлось бы приобрести его для коллекціи рѣдкостей: не стѣсняйтесь, предложите цѣну подороже чѣмъ за обыкновенную куклу, вамъ продадутъ его. Чѣмъ ниже общественное положеніе человѣка, тѣмъ больше у него боговъ, потому что, кромѣ своихъ пенатовъ, онъ чтитъ знаменитыхъ предковъ людей высшихъ сословій; наоборотъ же не бываетъ. Для императора было бы постыдно воздавать поклоненіе предкамъ какой-нибудь другой фамиліи, какими бы заслугами они ни ознаменовали себя; нѣкоторые императоры, правда, унижали себя до этого, но это всегда считалось скандаломъ и возбуждало народное осужденіе. Для членовъ знатной фамиліи, напримѣръ Фудзивара, Минамото, Такра, было бы постыдно чтить боговъ какого-нибудь купца. Но есть боги и изъ низкихъ сословій чтимые всѣмъ народомъ, это люди ознаменовавшіе себя особенно великими заслугами, напримѣръ Хидеёси. Есть также множество мѣстныхъ боговъ, возникшихъ изъ невысокаго званія; напримѣръ, такой-то открылъ въ горѣ золотую руду и потрудился для разработки ея; естественно что и по смерти онъ покровительствуетъ этой горѣ и работающимъ на ней; мѣстные рудокопы строятъ ему храмъ и приносятъ жертвы; отъ рудокоповъ мало-по-малу почитаніе переходитъ въ народъ, и вся мѣстность незамѣтно приобретаетъ новаго бога-протектора. Это дѣлается особенно легко и скоро, если богъ заявитъ себя какимъ-нибудь чудомъ; а мало ли средствъ чудодѣйства? Приснитесь кому во снѣ и сказать нравственное наставленіе или пропѣть стихокъ, блеснуть подъ вечеръ синимъ огонькомъ въ окрестности, окликнуть кого нечаянно въ уединенномъ мѣстѣ, прошумѣть страннымъ звукомъ между деревьями, когда нѣтъ вѣтра: богъ можетъ быть увѣренъ что все это примется въ должномъ смыслѣ, быстрою молвой пройдетъ въ народъ, и слава его упрочится. Наконецъ чествуются и боги зловердые, для того чтобъ умолить ихъ не дѣлать зла. Напримѣръ, въ эпоху предшествовавшую возникновенію сѣогуновъ, когда придворные сановники завели обычай играть особами микадо какъ пѣшками, употребляя, для удобства въ игрѣ, микадо малолѣтковъ, или и взрослыхъ, но слишкомъ явно тупоумыхъ, былъ одинъ микадо, по имени Сютоку; пока онъ былъ ребенкомъ, онъ

царствовалъ; но лишь только достигъ совершеннѣвѣтїа, его убрали съ престола. Сютоку былъ строптивъ: онъ поднялъ бунтъ, привелъ въ смятеніе столицу и окрестности, но не былъ настолько талантливъ чтобъ одолѣть враговъ: его разбили, взяли въ плѣнъ и заточили. Спокаялся бѣдный въ своемъ неповиновенїи, въ знакъ раскаянїа переписалъ одинъ молитвенникъ, вмѣсто туши, собственною кровью и послалъ его въ столицу; но ему съ презрѣніемъ отослали этотъ даръ обратно. Тогда онъ, исполненный отчаянїа и неописанной злобы, изрекъ: „молю боговъ чтобы мнѣ переродиться дьяволомъ, на мученіе Японїи“; со скрежетомъ зубовъ, съ насупленными бровями, изъ-подъ которыхъ сверкали самыя зловѣщїя молнїи, съ отросшими волосами, въ лохмотьяхъ, онъ бродилъ съ этого времени одинокій по дебрямъ и наконецъ умеръ въ такомъ состоянїи духа. Смерть его не замедлила обнаружиться для Японїи самыми бѣдственными ударами: булты, голодъ, наводненїа, все свидѣтельствовало что Сютоку началъ свой страшный разчетъ съ отечествомъ. Очевидно что ему немедленно должны были построить храмъ, учредить богослуженїе, и едва только этимъ успѣли унять его свирѣпость. Между самими богами существуетъ субординація, такъ что есть боги начальствующїе, есть боги служащіе у другихъ на посылакахъ и побѣгущахъ. У нѣкоторыхъ боговъ служатъ исполнителями ихъ воли тѣ или другїя животныя, такъ что если богъ сердитъ на кого-нибудь, то насылаетъ на него своихъ посланцевъ: обезьянъ, оленей и т. д., которые у наказуемаго разрушаютъ домъ, портятъ садъ, опустошаютъ поле.

Вотъ сущность синту. Очевидно что эта религія можетъ принадлежать лишь очень грубому и невѣжественному народу, народу стоящему на той степени умственнаго развитїа, когда онъ, побуждаемый присущимъ челоуѣку религіознымъ чувствомъ, ищетъ предмета поклоненїа, но не въ состоянїи возвыситься своимъ умомъ надъ окружающимъ міромъ и готовъ воздать божескія почести всему что его поразитъ и возбудитъ его удивленїе. Въ немъ умственнаго сознанїа пробудилось лишь на столько что онъ не кланяется первой попавшейся на глаза старой ели или причудливой формы камню; онъ безотчетно понялъ существованїе другаго міра, духовнаго, и превосходство этого міра надъ матеріальнымъ; но духъ поразилъ его лишь въ частныхъ, близкихъ явленїяхъ,

и онъ падаетъ и преклоняется предъ ними, и себя самого и всю природу ставитъ въ зависимость отъ нихъ.

Не удивительно поэтому что синту не оказалъ почти никакого сопротивленія буддизму при переходѣ сего послѣдняго въ Японію. Японцы въ то время завоевали Корею (въ 200 г. по Р. Хр.) и познакомились съ Китаемъ; чрезъ эти столкновенія умственный горизонтъ ихъ невольно расширился, и синту оказался неудовлетворяющимъ болѣе религіознымъ потребностямъ народа. И какимъ высокимъ ученіемъ долженъ былъ показаться здѣсь на первый разъ буддизмъ, эта лучшая изъ языческихъ религій, геркулесовы столбы человѣческихъ усилій составить себѣ религію, руководствуясь тѣми темными остатками богооткровенныхъ истинъ которые сохранились у народовъ послѣ разсвѣнія вавилонскаго! Синту почти безъ ропота и сопротивленія уступило свое мѣсто новой религіи, и не будь особаго обстоятельства, его и слѣдовъ нынѣ не было бы въ Японіи. Это обстоятельство заключается въ губкости буддизма и способности его приноровляться къ обычаямъ страны, куда онъ является; а все это вытекаетъ изъ его основнаго догмата перерожденія. „Клянусь, что буду рождаться въ разныхъ невѣжественныхъ странахъ для привлеченія ихъ къ спасенію“, клялись будды и бодисатвы. Итакъ, Аматерасу была тотъ же будда, Хациманъ тотъ же будда, всѣ японскіе боги будды и бодисатвы, раждавшіеся, примѣнительно къ умственному и нравственному состоянію Японскаго народа, совершенно въ другихъ видахъ чѣмъ въ Индіи, раждавшіеся для того чтобы „завязать связь съ народомъ“ и чрезъ то приготовить его къ воспріятію истиннаго ученія будды. „Связь“ (ин-енъ) тоже основное ученіе буддизма; не завязавши связи, будда не спасаетъ никого, а чтобы завязать ее, онъ можетъ рождаться во всевозможныхъ видахъ. Такимъ образомъ буддизмъ нарекъ японскимъ богамъ свои имена, принялъ ихъ подъ этими именами даже въ свои храмы, и зажилъ роскошно въ Японіи. Но синту отъ этой снисходительности и покровительства приходилось не легко. Онъ конфузился предъ своимъ щеголеватымъ сосѣдомъ, предъ его высокоуміемъ, предъ пышностію его храмовъ, предъ обиліемъ его молитвенниковъ; и вотъ онъ началъ изъ кожи лѣзть чтобы поправиться: построилъ себѣ храмы на подобіе буддійскихъ, сочинилъ великолѣпныя церемоніи, живописные костюмы, а

самое главное: принялся толковать свое учение на всевозможные лады. Если въ буддизмъ поражаютъ васъ иногда толстые молитвенники наполненные ничѣмъ инымъ какъ похвалами заглавію этихъ же самыхъ молитвенниковъ, то у синтускихъ экзегетовъ вы найдете цѣлые томы толкованій на отрывки изъ древней японской исторіи,—толкованій, гдѣ каждый слогъ, каждая буква историческаго текста дали случай къ сплетенію самыхъ хитрыхъ и невѣроятныхъ аллегорій. Но увы! по этому скользкому пути со своею легкою ношею синтускіе экзегеты не замедлили спуститься до полнѣйшаго отрицанія всего. Самое отъявленное безвѣріе было результатомъ ихъ пытливости. „Быль довременный хаосъ; въ немъ случайно зародились искра огня и капля воды; отъ взаимодѣйствія этихъ двухъ элементовъ хаосъ сгустился и принялъ шаровидную форму; отъ припека огнеобильнаго шара (солнца) на водообильный, (землю) въ послѣднемъ, когда онъ былъ еще въ состояніи грязи, зародились разные живыя существа; человекъ, какъ самое высшее существо, образовался въ лучшемъ изъ болотъ, то-есть болѣе мягкомъ и обильномъ грязью.“ Вотъ сущность ученія японскихъ матеріалистовъ, смѣю увѣрить, ни въ логикѣ, ни въ силѣ аргументовъ ничѣмъ не уступающихъ европейскимъ. Синту, повидимому, должно бы было не поздоровиться отъ этихъ дружески-медвѣжьихъ услугъ, но ничуть не бывало. Дѣло въ томъ что, во первыхъ, нельзя встрѣтить ни одного экзегета который бы, при рѣшительномъ отрицаніи всего содержанія синту, тѣмъ не менѣе не направлялся къ поддержанію его и къ сплетенію ему самыхъ выспреннихъ похвалъ. Фактъ съ перваго взгляда странный, но въ сущности весьма простой и естественный: синту изъ религіи обратился у экзегетовъ въ національное, чисто гражданское учрежденіе; всѣмъ мельчайшимъ подробностямъ его приписано самое высокое значеніе для поддержанія народнаго духа, для развитія гражданскихъ добродѣтелей и утвержденія могущества Японіи на вѣки вѣчные; въ этихъ видахъ превозносятся похвалами предки, выдумавшіе такое мудрое учрежденіе, и въ концѣ концовъ синту рекомендуется для вѣчнаго храненія и послѣдованія. Повторяюсь, тѣ же самые приверженцы синту разсмотрѣли хорошо и буддизмъ, и нашли въ немъ Ахиллесову пятю, и не одну; съ тою же разрушающею критикою они обратились и къ нему, но уже не для

поддержанія, а для разрушенія и поруганія его, какъ иноземнаго учрежденія, зловреднаго для Японіи; всѣ буддійскія чудовищныя чудеса, всѣ его безобразныя легенды, его скучнѣйшій рай и ни съ чѣмъ несообразный адъ,—все это подвергнуто насмѣлкѣ и отрицанію, и такимъ образомъ для буддизма сдѣлалось наконецъ невозможнымъ, хотя бы онъ и желалъ того, окончательно подавить и уничтожить своего противника. Въ такомъ видѣ синту существуетъ и теперь, то-есть по наружности какъ будто религіи, но въ сущности, для рационалистовъ, какъ народная школа добродѣтелей; эти рационалисты хотятъ въ то же время чтобы народъ вѣрилъ въ синту какъ въ религію, но народъ на столько же вѣритъ на сколько они сами; а въ добавокъ, не возвысившись до заносчивыхъ тенденцій рационалистовъ, не видитъ въ немъ и школы, и вышеприведенное выраженіе: „пожелай микадо, и небесный огонь попадетъ всѣхъ иностранцевъ“, въ устахъ Японцевъ имѣетъ самый провищескій смыслъ.

Буддизмъ, возникшій на почвѣ Индіи какъ противодѣйствіе браминской кастности и угнетенію низшихъ классовъ высшими, былъ въ этомъ отношеніи проповѣдью духовнаго равенства и любви въ языческомъ мірѣ; съ другой стороны, какъ проповѣдь человека изъ наследника престола сдѣлавшагося нищимъ, онъ, естественно, явился проповѣдью суетности всего земнаго, нестяжательности и нищенства. Эти двѣ характерныя черты, съ которыми буддизмъ явился въ устахъ перваго своего проповѣдника, обезпечили для него будущіе успѣхи: первая влекла къ нему сочувствіе народныхъ массъ, вторая доставила ему множество способныхъ приверженцевъ и дѣятелей. Въ дальнѣйшемъ развитіи эти черты приняли другой видъ и доведены до крайности и нецѣлостей. Существовавшее въ темномъ преданіи между Индійцами понятіе о имѣющемъ явиться на землѣ любвеобильномъ Искупителѣ рода человѣческаго мало-по-малу отнесено было къ самому Шакьямуни: въ его лицѣ буддисты нашли своего богочеловѣка, спедшаго съ неба и воплотившагося для наученія людей. Но такъ какъ буддизмъ явился на почвѣ браминскаго пантеизма и самъ оказался безсильнымъ отрѣшиться отъ него, то и въ буддѣ индійская фантазія не могла выработать единоличнаго владыку міра. Онъ, правда, является съ чертами свойственными Богу, но вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ какъ онъ буддѣ безконечное множество, и

каждый изъ нихъ дошелъ до этого блаженнаго состоянiя своими заслугами; каждому человѣку, въ свою очередь, предстоитъ рядомъ множества градацiй выродиться въ будду. Эта лѣстница, идущая отъ человѣка вверхъ, ведетъ къ состоянiю будды; но почему же не продолжить ее и внизъ? И вотъ, при склонности къ пантеистическому воззрѣнiю на мiръ, при непониманiи природы и ея отношенiй къ человѣку, и при бессознательномъ, свойственномъ человѣку состраданiю къ низшимъ существамъ, окончательно опредѣляется идея метампсихоза: весь животный мiръ по существу отождествляется съ буддой; мало того, лѣстница простирается еще ниже: изобрѣтаются разныхъ степеней ады, населяются живыми существами и тоже ставятся въ связь съ буддой. Дурной человѣкъ, въ наказанiе за свои грѣхи, рождается животнымъ или посылается въ адъ; спустя извѣстное время, положенное для очищенiя грѣховъ перваго рожденiя, онъ снова рождается человѣкомъ, и если живетъ на этотъ разъ добродѣтельно, то по смерти можетъ опять родиться на землѣ уже царемъ или другимъ великимъ лицомъ; если опять ведетъ себя хорошо, то идетъ въ рай, откуда вновь можетъ придти на землю бодисатвой или буддой. Такимъ образомъ небесный, земной и преисподнiй мiры являются огромною лабораторiей, въ которой безчисленные роды существъ кушать, рождаются, перерождаются и въ концѣ концовъ всѣ дѣлаются буддами. Такъ далеко зашли послѣдователи Шакаямуни, развивая его простую первоначальную идею любви и равенства. Въ развитiи другой, столь же простой и естественной, идеи нестяжательности, они тоже не замедлили придти къ самымъ крайнимъ и неожиданнымъ выводамъ. Трудъ тяжелъ на Востокѣ; тамъ склонность къ стяжанiю не мучитъ человѣка; было бы чѣмъ утолить голодъ и жажду, а затѣмъ нѣтъ выше наслажденiя какъ лежать или сидѣть подъ тѣнистымъ деревомъ, предоставивъ теченiе мыслей волѣ фантазiи. Но мысли тоже могутъ иногда или причинять огорченiе, или волновать: повтому еще лучше если онъ какъ бы останавливаются и замираютъ въ своемъ теченiи, если, однимъ словомъ, человѣкъ погружается въ безчувствiе, въ бессознательность: тогда онъ погружается въ ничто, но въ этомъ-то погруженiи и есть цѣлостное существованiе человѣка. Такое бессознательно спокойное состоянiе

называется созерцаніемъ; ему приписываются высокія качества непосредственнаго вѣдѣнія всего и сила управлять всѣмъ, такъ какъ въ этомъ состояніи человѣкъ, отрѣшавшись отъ себя, сливается въ одно со всѣмъ и можетъ владѣть тѣмъ съ чѣмъ слитъ. Это состояніе поставлено цѣлю всѣхъ и всего; будды потому и будды что достигли возможности во всякое время погрузиться въ это состояніе, и оно считается ихъ высочайшимъ блаженствомъ. Мимоходомъ, на пути развитія этихъ главныхъ началъ, буддизмъ сочинилъ для своихъ послѣдователей правила нравственности, поражающія иногда своею чистотою и строгостію, иногда своею чудовищностію; сочинилъ также чудовищныя и самыя невѣроятныя легенды и чудеса; все это, взятое вмѣстѣ, облеклось въ огромную литературу и въ правильное религіозное общество, съ своимъ богослуженіемъ, съ своими храмами, монастырями, наконецъ со своими искусствами, живописью, скульптурой и архитектурой. Все это, въ періодъ гоненія на буддизмъ въ Индіи, хлынуло на сѣверъ и затопило Китай и корейскія государства, откуда не замедлило перейти въ Японію.

Мы уже видѣли что синту безъ сопротивленія отступилъ на первый разъ предъ новою вѣрой, и Японцы съ радостію приняли ее. Да и могло ли быть иначе? Вмѣсто слабыхъ, сомнительнаго авторитета боговъ, буддизмъ выставилъ для поклоненія высшее существо, сошедшее на землю для спасенія людей; грубымъ, почти не оформленнымъ понятіямъ нравственности противопоставилъ свою тончайшую казуистику; предъ грубыми формами наружнаго богочитанія щегольнулъ великолѣпіемъ богослужебной обстановки; устнымъ преданіямъ синту противопоставилъ свою широкую литературу, тогда уже переведенную на китайскій языкъ. Последнее обстоятельство имѣло двойную выгоду для буддизма въ Японіи; съ одной стороны, оно убѣждало Японцевъ къ принятію буддизма примѣромъ Китая, предъ цивилизаціей котораго тогда преклонялись Японцы; съ другой, оно пресѣкало для Японцевъ всякую возможность скептическаго изслѣдованія обстоятельствъ происхожденія самого буддизма, такъ какъ китайскіе буддисты переводили на свой языкъ, натурально, лишь то что было въ пользу буддизму, а не противъ него. Буддизмъ, однако, не вполне пришелся по духу Японцамъ; это обнаружи-

лось скоро по введеніи его, когда Японцы начали развивать его по-своему, выдумывая одна за другою секты, что, очевидно, обнаруживало стремленіе выработать ученіе согласное съ коренными свойствами народа. Въ этой работѣ Японцы не останавливались ни предъ какими затрудненіями и дошли, наконецъ, до совершенныхъ противорѣчій другъ другу. Многія секты и въ Японіи уже забыты. Я укажу изъ существующихъ на болѣе важныя. Вотъ *зенсіу*. Какъ секта перешедшая изъ Китая, она любитъ хвалиться своимъ правотвѣріемъ, своею неиспорченностію. Претензія не очень основательная; все чѣмъ *зенсіу* можетъ похвалиться, это развѣ древность: секта эта, очевидно, есть порожденіе переходной эпохи въ буддизмъ, когда простота первоначальнаго ученія Шакъямуни была уже утрачена, но окончательно буддизмъ еще не опредѣлился, еще не выяснилась личность будды, не только какъ учителя, но и какъ дѣятельнаго помощника людей въ созиданіи спасенія. *Зенсіу* есть проповѣдь самоумерщвления, въ видахъ достиженія способности созерцанія; но этотъ актъ приуроченъ къ тому состоянію будды, когда онъ самъ еще не былъ буддой, а только упражнялся въ подвигъ самоумерщвления; такимъ образомъ здѣсь человекъ беретъ на себя своими силами, лишь по примѣру будды, а не при содѣйствіи его, достигнуть верховнаго блаженства. Въ практическомъ примѣненіи суть этой секты: *зазенъ*, сидѣніе, по примѣру будды, въ извѣстномъ положеніи, для упражненія въ самозабвеніи и приобрѣтенія способности созерцанія. Чтобы содержать себя во всегдашней готовности къ этому подвигу, сектанты ограждены самыми строгими предписаніями касательно пищи и внѣшняго поведенія; дисциплинарная сторона развита здѣсь до мельчайшихъ тонкостей. По теоріи все не дурно. Но какъ на дѣлѣ? Можетъ ли народъ предаваться *зазену*? Это невысказимо. Займись Японія *зазеномъ* недѣлю, въ другую она вымереть съ голоду. Соблюдается ли *зазенъ* хоть въ монастыряхъ? Говорятъ, будто есть такіе монастыри гдѣ назначается въ году нѣсколько недѣль или дней для *зазена*; въ это время монахи, ежедневно по нѣсколькимъ часамъ, сидятъ, собравшись въ одной камнатѣ, и предаются созерцанію, при чемъ, такъ какъ подъ тяжестью блаженныхъ ощущеній головы монаховъ, особенно молодыхъ, начинаютъ клониться, игумень съ орудіемъ, очень чувствительнымъ для бритой головы и плечъ, безпрестанно ходитъ

между ними и вызываетъ созерцателей къ дѣйствительности. И на эту ничтожную формальность сведено все ученіе зенсіу! При всемъ томъ это одна изъ самыхъ распространенныхъ сектъ въ Японіи! *Монтосіу*, другая весьма распространенная секта, обязана своимъ происхожденіемъ Японіи и составляетъ совершенную противоположность зенсіу.

Секта монтосіу отбросила весь буддѣйскій аскетизмъ и ухватилась лишь за идею любви будды къ міру. Здѣсь о самоумерщвленіи и помину нѣтъ; сами бонзы женятся и ѣдятъ мясо и все что угодно. Всѣ подвиги человѣка представляются ничтожными: для спасенія требуется лишь вѣра въ будду. Будь человѣкъ страшнымъ злодѣемъ, но скажи только разъ: „наму Амида буцу“ (покланяюсь буддѣ Амидѣ),—и онъ спасенъ. Ученіе о любвеобиліи будды, о готовности его спасти человѣка по первому призыву, о недостаточности собственныхъ силъ человѣка для спасенія и о благодати (*таруки*) невольно изумляетъ; слушая въ храмѣ иную проповѣдь, можно забытья и подумать что слышишь христіанскаго проповѣдника. Ужь не отъ христіанъ ли заимствовано это ученіе? Но при изслѣдованіи оказывается что оно рѣшительно самобытное въ Японіи и составляетъ лишь развитіе идеи объ искупительной миссіи будды. Но при этомъ возвышенномъ ученіи о любви будды къ міру, самъ будда нисколько не измѣняется: онъ остается тѣмъ же миѳически безобразнымъ и невѣроятнымъ лицомъ. Оттого-то монтосіу, съ своимъ высокимъ ученіемъ о благодати, принесла Японіи гораздо болѣе зла чѣмъ всѣ другія секты. Дозволивъ бонзамъ семейную жизнь, эта секта тѣмъ самымъ разрѣшила имъ всѣ матеріальныя заботы и поставила ихъ наравнѣ съ мірскими людьми. Это, повидимому, неважно; при возникновеніи секты въ этомъ представлялась даже лучшая ея сторона, такъ какъ чрезъ это устранялась зазорность поведенія бонзъ. Но никто не предложилъ вопроса: что будетъ, если бонзы монтосіу выступятъ на поле дѣятельности во имя матеріальныхъ интересовъ, но съ полнымъ невѣріемъ въ души? Никто не подумалъ какъ страшна можетъ быть въ устахъ бонзъ фраза: „сколько ни грѣши, скажи только: „наму Амида буцу“,—и тебѣ все прощено“. Дѣйствительно, въ періодъ долгой неурядицы, бывшей предъ династіей Токугава, бонзы монтосіу двигали цѣлыми арміями. „Шагъ впередъ — въ рай, шагъ назадъ — въ адъ“, кричали они своимъ войскамъ и

производили страшныя битвы, страшныя грабительства и опустошенія. Сами не вѣруя ни во что, но двигая невѣжественными массами увлеченныхъ фанатиковъ, они грозили испровергнуть все государство. Только Нобунага могъ унять ихъ, и то какими средствами! Разъ цѣлая шляпка была наполнена ушами и носами отрѣзанными у ихъ побѣжденной арміи и отправлена въ ихъ главную квартиру; а когда взята была и она, то 20.000 бонзъ и ихъ защитниковъ было сожжено разомъ! Вотъ еще секта: *жоккециу*, тоже получившая начало въ Японіи. Эта секта есть дань хвалы и удивленія Японцевъ одному молитвеннику, по имени Мѣохоренгекѣ, тому самому молитвеннику въ которомъ будда, собираясь умирать, объявилъ торжественно что „все чему онъ прежде училъ, все это ложь, что онъ старался лишь красивымъ сплетеніемъ обмановъ привлечь къ себѣ людей, какъ завлекають дѣтей игрушками, что истинно только то что онъ скажетъ теперь, а теперь онъ скажетъ вотъ что: „всѣ люди сдѣлаются буддами“, — что это ученіе до того важно что стоить только назвать имя молитвенника, въ которомъ оно изложено, и человекъ спасенъ“. Молитвенникъ наполненъ описаніемъ нелѣпныхъ чудесъ, въ родѣ слѣдующаго: къ буддѣ, когда онъ преподавалъ это ученіе, прилетѣли съ неба, въ своихъ великолѣпныхъ дворцахъ, два другіе будды, давшіе клятву всегда слетать на землю для слушанія ученія. Сидятъ они рядкомъ, и живой будда проповѣдуетъ. Когда онъ высказался, ученики, естественно, были ошеломлены и казались невѣрившими. Трое буддъ, для подтвержденія истины, высунули языки, которые оказались до того длинными что пронизали десять тысячъ міровыхъ сферъ; въ такомъ положеніи они просидѣли предъ учениками десять тысячъ лѣтъ; затѣмъ втянули языки обратно и крякнули всѣ разомъ, отъ чего потрясались всѣ міры, въ заключеніе щелкнули пальцами, отъ чего также потрясались всѣ міры. Могли ли послѣ этого сомнѣваться слушатели, и можно ли не обожать книгу, ученіе которой засвидѣтельствовано такими чудесами? И каждая изъ сектъ опирается на незыблемомъ для буддиста основаніи: каждая имѣетъ свои символическія книги въ канонѣ священной буддійской литературы. Эта литература такъ обширна и разнообразна что въ ней есть книги совершенно противоположныя одна другой. Это какъ нельзя лучше обнаруживаетъ происхожденіе буддійской

литературы отъ многочисленныхъ авторовъ, часто враждебныхъ другъ другу; но каждый авторъ, стараясь придать вѣсь своему произведенію, озаботился приписать его буддѣ, такъ что по наружности все и вышло ученіемъ будды, изреченнымъ лишь въ разныя времена и при разныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, на основаніи одного и того же ученія будды, можно воздвигать самыя противорѣчащія секты, и никто не смѣетъ укорить за это, такъ какъ каждая секта укажетъ на непререкаемый доводъ въ священной книгѣ. Нѣтъ ничего рѣзче, напримѣръ, такого нововведенія какъ допущеніе брака бонзъ въ монгосію, такъ какъ до монаха Синрана никто изъ бонзъ никогда не думалъ жениться; но посмотрите какъ легко было сдѣлать и этотъ шагъ на основаніи буддійской литературы. Въ одной изъ священныхъ книгъ, перечисляющихъ обѣты бодисатвы Кваннона, есть обѣтъ его: „буду воплощаться и въ тѣлѣ женщины чтобы руководить смертныхъ“. Правда, этого было бы еще недостаточно чтобы Синрану жениться; но въ книгахъ есть также неисчислимое множество примѣровъ явленія буддъ и бодисатвъ святымъ людямъ во снѣ, для сообщенія имъ своей воли: отчего же и Синрану не увидѣть чудеснаго сна? Онъ и увидѣлъ: является ему бодисатва Кусе (другое имя Кваннона) и вручаетъ четыре стиха, значеніе которыхъ слѣдующее: „подвижникъ, женись въ награду за твои подвиги! Я сдѣлаюсь тѣломъ „драгоцѣнной дѣвицы и сочетаюсь съ тобой; изукрашенная, я буду вести людей къ рожденію въ рай“. Синранъ въ то время былъ еще послушникомъ и не имѣлъ особеннаго авторитета. Но нужно же было такъ случиться что въ ту же ночь и его учитель, всѣми уважаемый старецъ Хооненъ увидѣлъ во снѣ какой сонъ снится Синрану! Нужно же было такое стеченіе обстоятельствъ что на слѣдующее утро Хоонена посѣтилъ одинъ изъ первыхъ придворныхъ сановниковъ и завелъ разговоръ такого свойства что въ заключеніе самъ предложилъ одну изъ своихъ дочерей въ замужество какому-нибудь монаху, и нужно же было этой дочери называться именно „драгоцѣнная дѣвица“! Развѣ во всемъ этомъ не ясно какъ день промышленіе Кваннона о спасеніи людей? Синранъ женится, и новая секта пошла щеголять по свѣту. Возьмемъ еще примѣръ. „Нембуку“ (спасеніе чрезъ благодать) въ той обширности въ какой оно развито Хооненомъ и Синраномъ, правда, ученіе новое; но все же оно

довольно твердо можетъ быть основано на нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ самого канона, если взять ихъ безотносительно къ другимъ. На что бы, кажется, искать другихъ основаній? Но посмотрите на чемъ оно болѣе всего опирается. Вотъ одинъ послушникъ, сгаравшій желаніемъ узнать какимъ путемъ легче всего достигнуть блаженства будущей жизни, затворившись въ кумирнѣ Аматерасу, молится объ откровеніи ему этого пути; послѣ семидневной молитвы, ночью онъ видитъ на яву: открываются дверцы кивота, гдѣ была статуя богини, выходятъ два мальчика и говорятъ ему: „Аматерасу теперь нѣтъ дома, но она намъ наказала, что если въ ея отсутствіе кто станетъ молиться объ указаніи вѣрнаго способа къ избѣжанію будущихъ перерожденій и смерти, то чтобы мы учили: отвергнувъ собственные тысячеобразныя дѣйствія, всѣмъ сердцемъ призывать Амиду, всею душою подвизаться въ нембуцу; этимъ непременно достигнется рай будущей жизни и высочайшее успокоеніе.“ Вотъ другому является сама Аматерасу и поетъ: „кто призываетъ будду Амиду, тотъ не говори что я богиня этого государства“. Вотъ, во время спора Хоонена съ другими бонзами о своемъ нембуцу, статуя Амиды издаетъ ослѣпляющій блескъ, вотъ четки одного послѣдователя Хоонена сіяютъ лучезарнымъ свѣтомъ въ ночной темнотѣ, вотъ Хооненъ своимъ: „наму Амида буцу“ вызываетъ изъ озера дракона, и пр. Нѣтъ возможности перечислить всѣхъ выдуманныхъ чудесъ, сновъ, пѣсенъ боговъ. Всѣ секты наперерывъ одна предъ другою стараются щеголять чудесами, одни другихъ велѣпѣе, одни другихъ фантастичнѣе. Наглость дошла до того что указываютъ чудеса тамъ гдѣ каждый собственными глазами можетъ видѣть, или ушами слышать что чуда нѣтъ: тамъ на морской водѣ написаны китайскіе знаки: „мѣо-хо-рен-ге-кѣ“, здѣсь птицы поютъ: „наму Амида буцу“, тамъ въ небѣ, при заходѣ солнца, постоянно является фигура Амиды и пр. Бонзы до того привыкли къ выдумкамъ и обманамъ что расточаютъ ихъ даже тамъ гдѣ нѣтъ въ нихъ никакой нужды: я читалъ одно жизнеописаніе будды, гдѣ авторъ прѣблагочестиво увѣряетъ что за матерью будды въ приданое даны были, между прочимъ, семь полныхъ воровъ „голландскихъ рѣдкостей“, а когда она забеременела буддой, то другая жена царя, изъ зависти, чтобъ убить въ ней младенца, обратилась къ одному изъ христіанъ, которые,

какъ извѣстно, всѣ колдуны, чтобы при помощи его волхвованій испортить свою соперницу; и съ мельчайшими подробностями описанъ способъ волхвованія христіанина, приложенъ даже его портретъ, и изображено какъ онъ погибъ среди волхвованія, пораженный небесными силами.

Кромѣ синту и буддизма, въ Японіи существуетъ еще конфуціанизмъ, хотя не въ видѣ особой религіозной секты, а въ видѣ нравственно-богословской школы. Я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ и о немъ. Конфуцій привлекаетъ прежде всего красотой своей литературной рѣчи, его фраза исполнена лаконизма и силы и по временамъ блещетъ красками остроумныхъ метафоръ. Все это дѣлаетъ Конфуція неподражаемымъ образцомъ литературнаго языка въ Китаѣ воть уже болѣе двадцати вѣковъ. Если заглянуть подъ эту привлекательную оболочку, то вы увидите почти всегда какую-нибудь мысль прямо или не прямо направленную къ утвержденію системы пяти отношеній. Эти отношенія—господина и слуги, отца и сына, мужа и жены, брата и брата, друга и друга—и составляютъ сущность Конфуціева ученія, то чтó доставило Конфуцію славу величайшаго мудреца, неподражаемаго учителя, полубога. Около этого столпа мудрости толпятся тысячи комментаторовъ, принося ему въ дань свои таланты и всю свою жизнь; каждое слово его ученія разобрано и истолковано на тысячу ладовъ; въ каждой фразѣ, случайно вымолвленной имъ, найденъ глубокій, многоразличный смыслъ, и вы, читая, невольно и сами находите его, и удивляетесь глубинѣ мудрости, сами не замѣчая того что удивляетесь, быть-можетъ, не Конфуцію, а его остроумному толкователю. Это дерево конфуціанизма, питаемое постоянно приливомъ свѣжихъ соковъ и разросшееся въ теченіе вѣковъ до невѣроятнаго объема, составляетъ дѣйствительно нѣчто величественное и грандіозное: такъ мы любуемся устарѣлымъ вѣковымъ дубомъ, обросшимъ десятками плющей, съ ихъ обильною и свѣжею листвою. Но чтó въ самомъ дѣлѣ сдѣлало Конфуція такимъ великимъ въ Китаѣ? Онъ жилъ въ одну изъ самыхъ тревожныхъ эпохъ китайской исторіи, когда государство, бывшее прежде монархическимъ, раздѣлилось на множество независимыхъ княжествъ: князья непрерывно ссорились между собою, народъ стоялъ отъ опустошительныхъ войнъ и всякаго рода безурядицы. Такія времена всегда сопровождаются нравственнымъ

упадкомъ: вѣроломство, эгоизмъ всѣхъ родовъ, забвеніе даже кровныхъ отношеній и связей—самыя обычныя явленія въ подобное время. Въ такое-то время явился Конфуцій. Онъ не былъ творцомъ какого-нибудь новаго ученія,—да Китай и не былъ расположенъ тогда слушать что-либо новое,—онъ лишь тронуть былъ до глубины души бѣдственнымъ состояніемъ своего отечества, грозившимъ изъ хронической болѣзни обратиться въ смертельную, и старался вызвать къ сознанию соотечественниковъ времена здраваго состоянія Китая. Какъ великій человекъ, онъ не только инстинктивно понял, но и сознательно выразилъ духовныя потребности и идеалы Китайской націи; но, какъ истинный Китаецъ, неспособный къ высоко-идеальному мышленію, онъ не далъ своему отечеству системы ученія построенной строго-логически, по всѣмъ законамъ формальнаго мышленія; онъ, напротивъ, держался всегда практической почвы. Онъ изучилъ и изложилъ древнюю исторію Китая и древніе обычаи, которыми, по его понятію, поддерживались добрая нравственность и благосостояніе государства,—церемоніи, музыку, поэзію (народныя пѣсни). Ученики же его, кромѣ того, постарались записать его нравственные афоризмы и представили такимъ образомъ въ болѣе наглядной формѣ его ученіе, почерпнутое изъ изученія древняго быта Китайцевъ. Такимъ образомъ въ книгахъ Конфуція выразился не частный человекъ, но выразился самъ Китай въ его характеристическихъ хорошихъ чертахъ, въ томъ что онъ явилъ добраго изъ своей природы. Въ эпоху матеріальнаго и нравственнаго истощенія Китая, предъ нимъ поставленъ былъ живой портретъ его самого во времена физическаго и нравственнаго здоровья. Могъ ли Китай не узнать самого себя и не полюбить себя въ прежнемъ видѣ, а полюбивъ, не поставить себя предъ собою какъ образецъ на вѣчныя времена? Съ теченіемъ вѣковъ, быть-можетъ, характеръ Китайцевъ могъ бы принять новыя отбѣлки, нравственность опредѣляться точнѣе, формы жизни измѣниться; но сочиненія Конфуція уже успѣли сдѣлаться канонически-непогрѣшимыми, его предписанія обязательными, самъ Конфуцій предметомъ религіознаго поклоненія.

Въ концѣ III столѣтія по Р. Х., при первомъ знакомствѣ Японіи съ Китаемъ, ученіе Конфуція не замедлило перейти въ Японію. Но странно было бы думать что оно займетъ здѣсь то же мѣсто какъ въ Китаѣ. Здѣсь ученіе Конфуція

было пересаднымъ растеніемъ, и самъ онъ явился не какъ представитель народа и истолкователь его мыслей ему самому, а просто какъ знаменитый ученый, предъ которымъ, конечно, не могли не благоговѣть необразованные въ то время Японцы, но который не поразилъ ихъ до забвенія личныхъ чувствъ и мыслей. Его творенія, по совершенству языка и нравственному направленію, легли въ основу школьнаго образованія; его легенды дали начало кое-какимъ суевѣріямъ. Но школа у Японцевъ вовсе не имѣетъ такого великаго значенія какъ у Китайцевъ, гдѣ все государство управляется школярами; суевѣрій у Японцевъ, своихъ и буддійскихъ, такъ много что два-три конфуціева въ этомъ числѣ какъ капля въ морѣ. Такимъ образомъ вліяніе Конфуція собственно на народъ въ Японіи очень слабо. Гораздо больше его вліяніе на такъ-называемый классъ „ученыхъ“ (*дзюся*), существующій здѣсь хотя не въ видѣ правильно организованной корпораціи, но съ правомъ наследственности и съ нѣкоторыми особенными гражданскими правами. Этотъ классъ, можно сказать, есть дань Японіи китайской мудрости и особенно Конфуцію. Для „ученыхъ“ писанія Конфуція имѣютъ, или по крайней мѣрѣ должны имѣть, такую же силу непререкаемаго авторитета какъ для бонзъ буддійскіе молитвенники, для синтускихъ жрецовъ — *кодзюки* (самая древняя исторія). Главная обязанность этихъ ученыхъ быть преподавателями въ дворянскихъ гимназіяхъ. Здѣсь-то, въ этихъ гимназіяхъ, молодые Японцы, по кодексу конфуціевыхъ церемоній, научаются тѣмъ приемамъ вѣжливости и внѣшняго благоприличія которые насъ такъ удивляютъ въ нихъ; здѣсь они научаются слагать китайскія пѣсенки, что также считается необходимымъ для образованнаго человѣка; наконецъ, здѣсь же уясняются въ ихъ сознаніи правила нравственности и гражданскихъ добродѣтелей, начертанныя въ человѣческомъ сердцѣ. Но даетъ ли Конфуцій отвѣты на разные теоретическіе вопросы, такъ же присущіе душѣ человѣческой какъ и понятія нравственности? Учитъ ли онъ о началѣ міра и человѣка, о высшемъ Существовѣ, о назначеніи человѣка? Нисколько. Извѣстно что, при вопросахъ своихъ учениковъ о подобныхъ предметахъ, онъ отдѣлялся самыми уклончивыми отвѣтами, въ родѣ слѣдующаго: „мы не знаемъ и земнаго, какая же польза говорить о небесномъ?“ Его „небо“, употреб-

ляемое имъ для выраженія всего высшаго, имѣеть до того неопредѣленный смыслъ что невозможно понять, разуметь ли онъ подъ нимъ что-либо личное или безличное. Итакъ его послѣдователи, пробуждаемые къ умственной дѣятельности разными сентенціями вызывающими на размышленіе, но оставляемые безъ руководства въ самомъ началѣ умственнаго самоопредѣленія, берутъ каждый для себя что кому нравится, то случай, то жизненный духъ, то личное или безличное небо и, варьируя на разные лады свой принципъ, рѣшаютъ сами, какъ умѣютъ, философско-богословскіе вопросы о мірѣ и человѣкѣ. Благодаря Конфуцію, они стали выше синту и буддизма; онъ далъ имъ оружіе діалектики, развилъ въ нихъ критическій духъ, побуждающій ихъ относиться съ насмѣшкой или презрѣніемъ къ этимъ ученіямъ; но, разрушивъ прежнія религіозныя вѣрованія, Конфуцій въ то же время ничего не далъ въ замѣну ихъ: умъ его послѣдователя — пропасть, покрытая сверху легкимъ хворостомъ умствованій; при первомъ прикосновеніи здраваго смысла хрупкая поверхность ломается и открываетъ пустоту. Оттого-то въ Японіи никто такъ не способенъ къ принятію европейскіхъ ученій какъ послѣдователи Конфуція. Вѣками приученные ставить себя высоко надъ другими по своему умственному превосходству, они, обыкновенно, свысока относятся и къ Европейцамъ, пока не попадетъ въ ихъ голову какаля-нибудь европейская мысль: тогда ихъ теоріи разомъ летятъ вверхъ дномъ, ихъ прежній кумиръ разбивается въ дребезги, они смиренно низводятъ себя на степень учениковъ и дѣлаются искренними и горячими приверженцами новаго ученія.

Все сказанное доселѣ можно формулировать въ слѣдующихъ словахъ: японскій народъ слишкомъ уменъ, развитъ и свѣжъ, а его религіи слишкомъ отстали и нелѣпы чтобы могли удовлетворять его. Но показываетъ ли японскій народъ склонность къ принятію христіанской религіи? Обратимся къ фактамъ, прямо отвѣчающимъ на этотъ вопросъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ XVI столѣтія въ первый разъ португальское судно пристало къ берегамъ Японіи. Японцы такъ хорошо приняли иностранцевъ и показались имъ такъ способными къ принятію христіанства что Францискъ Ксаверій, другъ и сподвижникъ Лойолы, при первомъ извѣстіи о нихъ, вскипѣвъ желаніемъ посвятить себя апостольскому

труду между ними. Блестящій успѣхъ сопровождалъ его труды. По слѣдамъ его нахлынули толпы португальскихъ и испанскихъ монаховъ разныхъ орденовъ, и всѣ имѣли успѣхъ: въ двадцать пять лѣтъ христіанство охватило весь юго-востокъ Японіи. Уже европейскіе проповѣдники стали вести себя какъ дома, уже прелаты съ пышностію являлись среди народа, уже они отправили японскихъ князей къ его святѣйшеству въ качествѣ смиренныхъ поклонниковъ и разчитывали когда вся Японія будетъ у подножія престола намѣстника Христова. Вдругъ страшное гоненіе,—и въ Японіи ни души христіанской. Чтѣ за причина? Взглянемъ на тогдашнія событія японской исторіи. До появленія Европейцевъ, Японія долго была терзаема непрерывными междоусобіями: то было несчастнѣйшее для нея время правленія сѣогунской династіи Асикага. Императоры давно были заброшены, и объ нихъ никто не думалъ; сѣогуны наслаждались выгодами своего положенія и не имѣли ни времени, ни охоты вникать въ дѣла правленія; кванрёо (регенты), на попеченіе которыхъ оставлены были дѣла правленія, но которые, какъ богатые князья, и сами имѣли средства жить не хуже сѣогунѣвъ, тѣнулись за послѣдними; забытая и заброшенная власть не находила себѣ пріюта. А между тѣмъ въ странѣ установилась удѣльная система. Японія была полна князьями, имѣвшими свои собственные поземельные доходы, свои арміи и свои широкія права. Почти не чувствуя надъ собою контроля, князья, естественно, дрались кто съ кѣмъ хотѣлъ и кто съ кѣмъ могъ, безъ устали и безъ всякой жалости къ народу. За князьями дрались и бонзы, и какъ дрались! Горе тому противъ кого они вооружались: это были самые злые и неотвязчивые враги. Въ это время всеобщей драки и сумятицы, въ незамѣтномъ уголкѣ Японіи явился крошечный князекъ, который, когда всѣ дрались одинъ на одинъ, задалъ себѣ задачей драться со всѣми и всѣхъ одолѣть; и онъ дрался со всѣми, одолѣлъ всѣхъ и сдѣлался властителемъ Японіи, хотъ и не принялъ титула сѣогуна, который былъ тогда слишкомъ опозднелъ чтобъ заинтересовать Нобунага. При этомъ-то Нобунага показались въ Японіи Европейцы. Онъ оцѣнилъ пришельцевъ, понялъ выгоду сношеній съ ними и привѣтствовалъ ихъ. Скоро между этими пришельцами замѣчены были и проповѣдники новой вѣры. Нобунага, конечно, не вѣрилъ ничему изъ отечественныхъ

религіозныхъ ученій; онъ не былъ расположенъ принять и христіанскую вѣру, его боевая натура была неспособна къ мирнымъ религіознымъ размышленіямъ; но онъ не могъ не понять неизмѣримаго превосходства христіанской религіи предъ японскими суевѣріями. Притомъ же ему такъ надоѣли его вѣчные враги, бонзы, и изъ-за нихъ онъ такъ возненавидѣлъ буддизмъ что, не думая долго, онъ со всею охотою далъ европейскимъ миссіонерамъ полное право распространять новую вѣру и даже самъ построилъ для нихъ христіанскій храмъ въ столицѣ (въ 1574 г.). Преждевременная смерть положила конецъ дѣятельности Нобунага. Ему наследовалъ Хидеёси, сынъ простолудина, пробившій себѣ дорогу къ верховной власти. Онъ также на первый разъ казался покровительствующимъ христіанству; между тѣмъ онъ зорко слѣдилъ за пропагандистами и изучалъ ихъ. А послѣдніе уже успѣли выявить всѣ тѣ качества которыя были причиной изгнанія католическихъ миссіонеровъ въ разныя времена изъ многихъ странъ. Съ умноженіемъ христіанъ, высшее японское общество вдругъ почувствовало присутствіе въ странѣ новаго рода аристократіи и было возмущено и оскорблено: отъ князей стали поступать жалобы что христіанскіе епископы, при встрѣчахъ, не уступаютъ имъ дороги и вообще ведутъ себя крайне заносчиво и гордо. Не ограничиваясь дѣлами религіи, католическіе епископы стали являться и на поприщѣ политическихъ интригъ; еще Нобунага пользовался ихъ сладкорѣчіемъ и нравственнымъ вліяніемъ для привлеченія на свою сторону князей-противниковъ. Все это не имѣло бы еще особенной важности, и христіанскіе проповѣдники, стоявшіе во всякомъ случаѣ гораздо выше туземныхъ бонзъ, не были бы выгнаны изъ страны, еслибы не соображенія особаго рода. Для Европы тотъ вѣкъ былъ вѣкомъ непрерывнаго открытія новыхъ странъ и вмѣстѣ вѣкомъ ужасающихъ политическихъ неправдъ. Испанія, одна изъ самыхъ могущественныхъ державъ того времени, была особенно бичомъ Божиимъ для новооткрытыхъ народовъ. Вспомнимъ, для образца, разрушительные подвиги Кортеса и Пизарро. Въ 1522 году пала Мексиканская имперія, а въ 1533 году Перуанская. Обѣ эти имперіи въ цивилизаціи и силѣ малымъ чѣмъ уступали Японіи, и съ гостепріимствомъ приняли испанскихъ рыцарей, за что эти рыцари отплатили имъ безсовѣстѣйшимъ коварствомъ, попраніемъ всѣхъ правъ туземцевъ,

подчиненіемъ ихъ иноземному владычеству и обращеніемъ всѣхъ гражданъ въ самыхъ несчастныхъ рабовъ. Не забудемъ при этомъ что съ завоевателями всегда неразлучно были миссіонеры, и сами завоеватели дѣйствовали якобы во имя креста. Могъ ли проникательный Хидеёси не узнать и не опѣнить какъ должно этотъ духъ европейской и по преимуществу испанской политики, не вывести изъ примѣра другихъ новооткрытыхъ странъ назидательнаго урока для своего отечества и вслѣдствіе того не принять рѣшительныхъ мѣръ къ огражденію его отъ участи завоеванныхъ государствъ? Европейскіе писатели взваливаютъ вину изгнанія христіанства изъ Японіи то на одного испанскаго капитана, расхваставшагося предъ Хидеёси обширностію владѣній своего короля и объяснивашаго ему способъ завоеванія Новаго Свѣта, то на Англичанина Адамса, интриговавшаго противъ Испанцевъ; * мы думаемъ что ни тотъ, ни другой не заслуживаютъ чести или безчестія считаться виновниками такого важнаго историческаго событія. Хидеёси и, слѣдовавшій за нимъ, другой гонитель христіанъ, Іеясу, были вовсе не такія лица у которыхъ можно перевернуть всю систему убѣжденій однимъ хвастливымъ разговоромъ или пустою интригой. Хидеёси, для котораго было мало Японіи, который еще генераломъ въ арміи Нобунага строилъ планы расширенія японскаго могущества, завоеваніемъ иноземныхъ государствъ, планы, въ послѣдствіи отчасти и приведенные имъ въ испол-

---

* Католическіе писатели, напримѣръ Шарльвуа, не стѣсняются объяснять перемену расположенія Хидеёси къ христіанамъ слѣдующимъ образомъ: „Хидеёси былъ до крайности развратенъ. Во время походовъ, когда неудобно было возить съ собою гаремъ, онъ назначалъ особыхъ чиновниковъ, обязанностію которыхъ было собирать каждый вечеръ по окрестностямъ молодыхъ и красивыхъ дѣвицъ. Когда онъ былъ на Кіусіу въ походѣ противъ Симаду, чиновники, по обычаю, отправились на олову, но были съ безчестіемъ выгнаны изъ деревень населенныхъ христіанами. Вечеромъ они доложили объ этомъ Хидеёси, который, по обычаю, былъ пьянъ, и взбѣшенный деспотъ сейчасъ же велѣлъ изготовить къ подписи эдиктъ объ изгнаніи христіанства изъ страны.“ Все это чистая ложь. Во всей жизни Хидеёси, изученной нами по лучшимъ японскимъ исторіямъ, мы встрѣтили всего одинъ фактъ когда онъ недобросовѣстно завладалъ дочерью своего развратителя чая; но и этотъ развратитель чая не былъ христіанинъ.

неніе завоеваніемъ Кореи, конечно, съ перваго появленія иностранцевъ, не могъ не заинтересоваться ими, не изучать ихъ нравовъ, ихъ намѣреній и ихъ политики. „Христіанская религія хороша, но она не годится для моей страны“, былъ короткій отвѣтъ Хидеёси одному епископу, протестовавшему противъ его запретительныхъ эдиктовъ. И этотъ отвѣтъ достаточно характеризуетъ образъ мыслей Хидеёси. Онъ зналъ христіанство и цѣнилъ его, но въ то же время находилъ нужнымъ изгнать его. Какая причина? Иной не могло быть кромѣ той что онъ считалъ христіанство опаснымъ для страны. Ему нужно было собственно не изгнаніе христіанства, а изгнаніе Европейцевъ, прекращеніе интимныхъ сношеній съ ними и чрезъ то огражденіе страны отъ ихъ алчности. Пожаловаться на безрезонность и самодурство японскихъ гонителей христіанства нельзя: это не были взбалмошные Нероны, Галеріи; они считали обязанностію сами знакомиться съ христіанствомъ и изучали его такъ безпристрастно что прямо находили его хорошимъ и не стѣснялись говорить это самимъ врагамъ. Чья вина что христіанство являлось имъ на половину политическою интригой самаго опаснаго свойства? Существуютъ факты очень недвусмысленнаго характера, показывающіе что подозрѣнія Японцевъ были основательны. Вотъ наиболее извѣстный и достовѣрный изъ нихъ: по смерти одного удѣльнаго князя, когда, за нѣкоторыя вины, имущество его было конфисковано, въ его домъ совершенно неожиданно найденъ былъ сундукъ наполненный драгоценными заграничными подарками и корреспонденціей, открывшей что князь былъ въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ съ папой и собирался предать свое отечество во власть иноземцевъ. Іеясу, сподвижникъ и наперсникъ Хидеёси, хорошо понявшій его планы, издалъ новые эдикты противъ христіанъ. При Іеясу европейскіе пропагандисты принуждены были окончательно удалиться изъ страны; но туземные христіане еще находили возможность скрываться на югѣ Японіи. Въ правленіе внука Іеясу, Іемицу, спустя двадцать пять лѣтъ по изгнаніи Европейцевъ, нѣсколько авантюристовъ, бѣжавшихъ на югъ большею частію отъ политическихъ преслѣдованій, воспользовались тѣмъ что христіанство успѣло уже пустить въ странѣ глубокія корни, и задумали возбудить возстаніе противъ правительства. Мѣстныя обстоятельства благоприятствовали имъ: подданные двухъ мѣстныхъ князей были

раздражены противъ нихъ за дурное управленіе; множество тайныхъ христіанъ, разбѣянныхъ по ближайшимъ округамъ, были крайне недовольны правительствомъ за религіозное гоненіе. Зачинщики возстанія озаботились дать своему дѣлу, для большей прочности, религіозный характеръ; пущено было въ ходъ подложное пророчество, указывавшее что наступило время, самимъ Богомъ опредѣленное для завоеванія христіанами религіозной свободы. Когда народъ былъ достаточно наэлектризованъ, зачинщики дѣла открыто взялись быть его руководителями, и Симабарасское возстаніе вспыхнуло. Противъ возмущившихся крестьянъ, построившихъ себѣ крѣпость и затворившихся въ ней съ женами и дѣтьми (всего до 80 тысячъ) двинуты были регулярныя войска сначала ближайшихъ князей, потомъ болѣе отдаленныхъ, наконецъ сѣогунъ долженъ былъ послать самыхъ опытныхъ и искусныхъ своихъ генераловъ и огромныя военныя силы; но и тутъ осажденные уступили скорѣе голоду чѣмъ силѣ и искусству противниковъ. Наконецъ, крѣпость была взята, и 30 тысячъ человекъ всѣ до одного казнены, такъ какъ никто не хотѣлъ пройти по образу Богоматери съ Младенцемъ и тѣмъ засвидѣтельствовать свое вѣроотступничество. Съ этихъ поръ на христіанскую вѣру легло новое нареканіе, будто она учитъ противленію властямъ. И она была запрещена подъ строжайшими угрозами: „пока солнце восходитъ съ востока, христіанскій проповѣдникъ не явится болѣе въ странѣ“, „хотя бы самъ Богъ христіанскій пришелъ въ Японію, — и Эму голова долой“, — въ такихъ и подобныхъ выраженіяхъ написаны послѣдніе эдикты противъ христіанъ. Такимъ образомъ: христіанская вѣра есть искусство колдовать, христіанская вѣра возмущаетъ народъ противъ правительства, она открываетъ иностранцамъ путь къ завоеванію страны: вотъ понятія которыя Японецъ соединялъ съ понятіемъ о христіанствѣ. Такъ два съ половиной вѣка глумился Японецъ надъ христіанствомъ; въ такомъ видѣ жило оно въ сознаніи Японца вплоть до послѣдняго времени.

При появленіи американской и русской эскадры у береговъ Японіи въ 1853 году, вся Японія, естественно, была крайне встревожена: люди болѣе образованные ждали отъ иностранцевъ непріятельскихъ, завоевательныхъ дѣйствій, народъ же съ ужасомъ смотрѣлъ на каждаго иностранца какъ на колуну и поминутно ждалъ отъ него чудесъ. Но волею-неволею

Японцы должны были вступить въ сношенія съ иностранцами. При заключеніи трактатовъ, они покушались, по крайней мѣрѣ, выговорить запрещеніе распространять въ ихъ странѣ христіанскую вѣру; но имъ отвѣчали, какъ графъ Муравьевъ-Амурскій: „если я убѣжденъ въ истинности моей вѣры, я не могу не говорить этого; отъ васъ самихъ зависитъ слушать меня или не слушать“. И Японцы принуждены были дать иностранцамъ полную свободу въ постройкѣ ихъ храмовъ и отправленіи богослуженія. Католическіе миссіонеры, вслѣдъ за заключеніемъ трактатовъ, толпой прибыли изъ Китая. Изъ трехъ открытыхъ портовъ: Йокохамы, Хакодате и Нагасаки, они обратили особенное вниманіе на послѣдній; въ окрестностяхъ его они ожидали найти слѣды древняго христіанства и не ошиблись; несмотря на всѣ ужасы предшествовавшихъ гоненій, въ народѣ еще сохранились темныя христіанскія преданія; такимъ образомъ католическіе миссіонеры нашли уже подготовленную почву, и здѣсь былъ основанъ ихъ главный постъ, подъ управленіемъ епископа. Чтобы судить объ ихъ успѣхѣхъ, выпишываю изъ японской брошюры: *Тоого ума дзакѣо симацу*, слѣдующія данныя, относящіяся къ 1867 г.: „въ Ураками (въ сосѣдствѣ съ Нагасаки) свыше 2.000 обращенныхъ; въ помѣстьяхъ Оомура свыше 100, въ Фукабори, въ области Хи-зень, свыше 1.500; въ Такахата, Симабара, Амакуса, Хиродо—сколько тысячъ въ точности неизвѣстно.“ Въ Йокохамѣ и окрестностяхъ количество обращенныхъ также не извѣстно. Въ Хакодате миссія основана 1867 г. и особенныхъ успѣховъ пока не видно. Протестантскіе миссіонеры далеко отстали отъ католическихъ; они стали навѣзжать лишь съ 1859 г., и насколько успѣли въ бытность тайкуновъ, данныхъ тоже нѣтъ; но что успѣхи были, объ этомъ свидѣтель-

---

* Авторъ брошюры, покаянникъ Конфуція, изучалъ христіанскую вѣру подъ руководствомъ одного изъ протестантскихъ пасторовъ въ Нагасаки. Онъ адресовался къ пастору съ заднею мыслію — узнать христіанство для того чтобы потомъ успѣшнѣе напасть на него. Изъ этого сорта Японцевъ образуются самые ревностные христіан. Къ сожалѣнію, протестантскій миссіонеръ не сумѣлъ воспользоваться случаемъ: за то Японецъ хорошо пользуется полученными уроками, выставляя въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ дѣйствіе протестантскихъ и католическихъ миссіонеровъ и браня христіанство, котораго онъ, разумѣется, ни на волосъ не покаялъ.

стуетъ та же брошюра: „въ то время какъ католическіе миссіонеры обращали людей низшаго и средняго классовъ, протестантскіе обращали большею частію людей средняго и высшаго классовъ“, говоритъ авторъ. Но чтѣ же таікунокское правительство? Чтѣбъ оно, все основанное на шпіонствѣ, не знало объ этихъ дѣйствіяхъ миссіонеровъ, нельзя предположить. Чтѣ же оно сдѣлало во имя своихъ страшныхъ законовъ противъ христіанства? Выписываю изъ брошюры то чтѣ служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Но прежде считаю нужнымъ объяснить начало дѣла. Мать служанки англійскаго консула въ Нагасаки сдѣлалась христіанкой. Когда ея сосѣди по деревнѣ узнали объ этомъ, то стали грозиться чтѣ сожгутъ ея домъ, если она не броситъ колдовства, то-есть христіанства. Мать пересказала это дочери, дочь пожаловалась англійскому консулу, а этотъ— губернатору. Послѣдній долженъ былъ изслѣдовать дѣло и волею-неволею найти множество христіанъ. „За вѣроотступничество“, читаемъ въ вышеупомянутой японской брошюрѣ, „въ Ураками нѣсколько жителей, по приказанію губернатора, было арестовано 13-го числа 6-го мѣсяца прошлаго (1867) года и заключены въ тюрьму. При этомъ въ часовнѣ, въ Ураками, были конфискованы образа и прочія вещи и сданы деревенскому старостѣ. Полицейскіе служители вернулись съ 70 человѣками въ мѣсто жительства губернатора; 6 или 7 изъ нихъ, однако, остались въ домѣ старосты въ Ураками. Остальные вѣроотступники, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, учинили возстаніе, напали съ бамбуковыми копьями на домъ старосты, взяли обратно свои образа и захватили двухъ чиновниковъ и двухъ полицейскихъ служителей, о которыхъ объявили чтѣ будутъ держать ихъ заложниками и не выдадутъ до тѣхъ поръ, пока имъ не будутъ возвращены ихъ товарищи, заключенные въ тюрьму. Въ этомъ положеніи дѣла, остальные вѣроотступники были предоставлены себѣ самимъ, и аресты прекратились. 14 числа на Козима была поспѣшно сооружена большая тюрьма, и въ нее посажены вышеозначенные 70 и нѣсколько другихъ арестантовъ.... Такъ какъ въ помѣстьяхъ Оокура, въ Ураками, также оказались вѣроотступники, то, 7-го мѣсяца прошлаго года, свыше 100 человѣкъ ихъ было арестовано и посажено въ тюрьму. Арестованные и заключенные въ тюрьму были ежедневно, по приказанію губернатора, призываемы, и предъ ними

излагаемо было все зло извращенной религіи, но безъ всякаго успѣха; твердые въ своемъ упорствѣ, они не показывали ни какого знака перемѣны мыслей; напротивъ, они просили чтобъ имъ было позволено свободное и безпрепятственно исповѣданіе римско-католической религіи. При такомъ положеніи дѣлъ, когда губернаторъ и чиновники не знали что дѣлать, 14-го числа 8-го мѣсяца были поспѣшно позваны губернаторомъ жрецы семи храмовъ синсію и двухъ зенсію и когда они явились, у нихъ было спрошено, нѣтъ ли какого нибудь средства заставить этихъ отступниковъ въ Уракамъ перемѣнить ихъ мысли. Жрецы сказали что они дадутъ отвѣтъ по внимательномъ обсужденіи предмета. На слѣдующій день они сказали что употребить все свое стараніе побудить отступниковъ разомъ перемѣнить ихъ мысли 19-го числа Даткванъ и судьи сопровождали жрецовъ въ Ураками; но, несмотря на всѣ ихъ увѣщанія, отступники упорные до крайности, не обратили на нихъ никакого вниманія. Ихъ упорство происходитъ отъ снисходительности съ которою до сихъ поръ обращались съ ними. Въ половинѣ девятаго мѣсяца заключенные притворились перемѣнившимъ свои мнѣнія и были выпущены на свободу; но они опять обратились къ прежнему, и число ихъ ежедневно возрастаетъ. Выпущенные были отданы на поруки въ Ураками, и ничего больше. Пользуясь снисходительностью, которую оказывали имъ, они запаслись изъ часовни деньгами разошлись секретно по всѣмъ направленіямъ и дѣлаютъ обращенія, или раздавая милостыню бѣднымъ, или совершая чудеса, такъ что въ короткое время сотни новообращенныхъ были приобрѣтены въ разныхъ мѣстахъ....“ Вотъ въ что сдѣлано тайкунскимъ правительствомъ противъ христіанской вѣры въ продолженіи четырнадцати лѣтъ. Гдѣ преная ненависть къ христіанамъ, какъ къ колдунамъ, какъ къ противникамъ власти и измѣнникамъ отечеству? Ея и поминать нѣтъ. Ненависть эта еще отражается въ сознаніи частнаго лица, автора брошюры, предубѣжденнаго противъ христіанства; нагасакскій же губернаторъ, какъ видно, тѣшилъ христіанъ просто потому что, въ виду закона строго запрещающаго христіанство, не могъ не сдѣлать чего-нибудь послѣ того какъ его такъ необдуманно натолкли на христіанъ сами же христіане, и сдѣлавъ онъ, ну же признаться, очень мало. (за принятіе христіанства,

древне-японскому закону, полагается казнить распятиемъ на крестѣ и прободеніемъ копьями). Все же это,—и смотрѣніе сквозь пальцы на умноженіе христіанъ, и милостивое обращеніе съ обнаруженными христіанами,—было, разумѣется, не личнымъ дѣломъ самого губернатора Нагасаки, а лишь исполненіемъ инструкцій данныхъ изъ Едо.

Новое правительство, образовавшееся въ началѣ прошлаго года, также запретило Японцамъ принятіе христіанства. Но здѣсь основная причина запрещенія совершенно другаго свойства чѣмъ всѣ прежнія побужденія. Тайкуна уничтожили. Нужно поднять императора изъ праха въ которомъ онъ пресмыкался доселѣ предъ тайкунами. Но чѣмъ подпереть эту дряхлую развалину минувшаго величія? Средство подъ рукой: стоить лишь придать больше блеска и торжественности древней религіи, по счастью, еще не совсѣмъ погибшей. Предметъ этой религіи — прамыя предки императора и, въ лицѣ ихъ, самъ онъ; самый важный и торжественный пунктъ ея ученія — врученіе власти надъ Японіей, на вѣки вѣчныя, праотцу микадо и всему его потомству. Слушая это ученіе, кто же станетъ сомнѣваться въ правахъ императора на власть? И вотъ громко грянулъ синтускій барабанъ, звонко звякнули литавры, приосанясь и смѣло взглянувъ кругомъ, затаивъ свою неизмѣнную героическую пѣснь жрецъ. Думалъ ли „путь боговъ“ имѣть эту минуту торжества, — онъ, почти исчезнувшій подъ ударами буддизма? А теперь приходится помѣняться ролями: буддизмъ, какъ чужестранная религія, испытываетъ къ себѣ презрѣніе и пренебреженіе. И какое презрѣніе! Императорскимъ указомъ велѣно выбросить изъ синтускихъ кумирень всѣ буддійскія принадлежности, въ теченіе вѣковъ вкравшіяся въ нихъ, а буддійскимъ бонзамъ предписано не смѣть молиться синтускимъ богамъ и даже имѣть у себя въ храмахъ ихъ изображенія. И какое пренебреженіе! Въ новой конституціи, разосланной для руководства по всей имперіи, значитъ, между прочимъ, „департаментъ духовныхъ дѣлъ“, и его попеченіямъ поручены исключительно дѣла синту, а о буддизмѣ хоть бы слово! И все это несмотря на то что въ Японіи всѣ, начиная отъ самого императора до поденщика, буддисты, что буддійскими храмами устлана Японія, что буддійскихъ бонзъ сотни тысячъ, что, словомъ, не замѣчать буддизма въ странѣ можетъ развѣ сумашедшій. Есть ли же какая

возможность христіанской вѣрѣ ждаты для себя пріязни въ такое время? И можно ли удивляться что и новымъ правительствомъ повторено запрещеніе принимать ее? Не нужно ли, напротивъ, удивляться тому обстоятельству что правительство, почти въ то же время какъ запрещаетъ, даетъ весьма ясно понять что оно вовсе не имѣетъ въ виду серьезно преслѣдовать свою мысль? А факты какъ нельзя лучше подтверждаютъ послѣднее. Укажу эти факты. Указъ, которымъ новое правительство запретило христіанство, начинался такъ: „христіанская нечестивая вѣра по-прежнему запрещается“. Слово „нечестивая“, по всѣмъ правиламъ грамматики, относилось къ христіанской религіи. Когда указъ былъ вывѣшенъ публично на доскахъ, иностранные министры подали протесты противъ названія христіанской религіи нечестивою. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Хингаси-Кузе, далъ отвѣтъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ писалъ онъ прусскому повѣренному въ дѣлахъ, г. фонъ-Брандту: „И имѣлъ честь получить ваше письмо отъ прошедшаго 5-го мѣсяца, 26-го числа. Вы выражаете неудовольствіе по поводу текста того изъ указовъ, обнародованныхъ новымъ правительствомъ послѣ совершившихся весной нашихъ государственныхъ перемѣнъ, въ которомъ говорится что „христіанская религія по-прежнему запрещается“ и пр. Но такъ какъ это смѣшеніе понятій произошло отъ того что до сихъ поръ у насъ о запрещенныхъ нашими законами христіанской религіи и нечестивой религіи (нечестивою религіей, *därsi*, называется та которая коловствомъ и подобными средствами развращаетъ человѣческое сердце и пр.) говорили заодно, не раздѣляя ихъ, то прошу понять что нечестивою религіей не названа именно христіанская религія.“ Между тѣмъ, еще до отправленія отвѣтовъ къ иностраннымъ министрамъ, новымъ распоряженіемъ велѣно было по всей Японіи перемѣнять текстъ указа на публично вывѣшенныхъ доскахъ, отдѣливъ весьма ясно христіанскую религію отъ нечестивой. Вотъ другой фактъ. При сдачѣ Нагасаки правительству микадо, прежній губернаторъ сдалъ и не рѣшенное дѣло о нѣсколькихъ христіанахъ содержавшихся еще въ тюрьмѣ. Новый губернаторъ рѣшилъ разослать ихъ по ближайшимъ княжествамъ и отдать тамъ подъ надзоръ мѣстныхъ властей. Когда съ этою дѣлю христіане (11-го іюля прошлаго года) посажены были на судно, въ Нагасаки раз-

разнеслась молва что ихъ увозятъ съ тѣмъ чтобы часть утопить въ морѣ, часть обезглавить, а остатокъ отвезти на одинъ изъ сосѣднихъ острововъ въ каторжную работу. Иностранные консулы, живущіе въ Нагасаки, послали къ губернатору коллективную ноту, спрашивая съ какими намѣреніями вывезены христіане, и выражая надежду что съ ними не будетъ поступлено безчеловѣчно и безславно для Японіи въ глазахъ образованнаго міра. Губернаторъ отвѣчалъ что „христіане вывезены въ территорію Цѳооіу и Бинго, съ тѣмъ чтобы отдать ихъ подъ надзоръ; что японское правительство не намѣрено оскорблять челоуѣчество истребленіемъ невинныхъ людей, что прочіе христіане, оставшіеся въ городѣ, не будутъ притѣсняемы, что тѣ христіане вывезены съ тѣмъ чтобы предупредить беспорядки, могущіе возникнуть отъ столкновенія ихъ съ послѣдователями другихъ сектъ въ сосѣдствѣ; что японское правительство благодаритъ консуловъ за ихъ добрыя внушенія и челоуѣчественныя побужденія“ (*The Nagasaki Times* 1868, July 6 (18), № 4). Иностранные министры въ Йокохамѣ, встревоженные вѣстями изъ Нагасаки, также подали нѣсколько протестовъ противъ жестокаго обращенія съ христіанами. Хингаси-Кузе, въ томъ же письмѣ часть котораго приведена выше, отвѣчалъ г. фонъ-Брандту слѣдующее: „Вы нѣсколько разъ писали мнѣ касательно христіанъ появившихся въ области Хизенъ, въ деревнѣ Ураками, и я до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ. Военныя смуты, мѣшавшія обсужденію дѣла, были причиной этого невольнаго замедленія. Прошу великодушно извинить. Нечестивая вѣра, употребляющая колдовство, развращающая челоуѣческое сердце, подрывающая основы нашего государственнаго быта, всегда была запрещена нашимъ правительствомъ; но принявшихъ христіанство ссылатъ въ заточеніе, топить, жечь, варить въ маслѣ,—такіе безчеловѣчныя поступки никогда не были въ намѣреніяхъ нашего правительства, и ваши представленія объ этомъ, какъ я догадываюсь, возникли изъ вышеупомянутаго смѣшенія понятій (о христіанской и нечестивой вѣрахъ), или же изъ неосновательныхъ слуховъ. Отложите же ваши сомнѣнія и представьте это дѣло въ настоящемъ свѣтѣ вашему правительству.“ Рѣшаюсь привести и еще письмо Хингаси-Кузе къ г. фонъ-Брандту, относящееся одинаково къ объясненію вышеупомянутаго указа и къ оправданію нагасакаго дѣла. „Въ текстѣ недавно

обнародованнаго указа касательно христіанской религіи подъяты рядъ поставлены: „христіанская нечестивая религія“. Отсюда произошло ошибочное понятіе, будто именно христіанская религія названа нечестивою. Послѣ этого, та и другая раздѣлены на двое, какъ вамъ это извѣстно. Религія, называвшаяся христіанскою 300 лѣтъ тому назадъ, употребляла колдовство, развращала человѣческое сердце, производила безпорядки, за это она и была строго запрещена; а по всему этому и народъ съ того времени смотритъ на нее какъ на нечестивую вѣру. Подобную вѣру и въ настоящее время наше правительство никакъ не можетъ допустить. Того же что христіанская вѣра — правильная вѣра, народъ до сихъ поръ не понимаетъ; а въ то время, когда онъ еще находится въ такомъ невѣдѣніи, вдругъ разрѣшить ее несогласно съ правительственными пользами. Нужно бы было разсудить, разобрать что правильно и что нечестиво, но этому помѣшали военныя смуты. Поэтому относящіяся къ этому предмету постановленія не приведены въ точности, и нельзя поручиться чтобы въ разныхъ мѣстахъ государства не было разницы въ образѣ дѣйствій. Но такъ какъ съ этого времени мы имѣемъ войти въ еще болѣе дружественную связь съ вашимъ государствомъ, и такъ какъ подвергать жестокимъ пресѣдованіямъ нашихъ людей, принявшихъ вѣру вашего государства, было бы несогласно съ дружественностію отношеній, то въ настоящее время наше правительство разсудило и рѣшило съ этихъ поръ не постановлять крутыхъ законовъ противъ христіанъ, а обращаться съ ними милостиво.“ (Письмо отъ 27-го числа 11-го мѣсяца прошлаго года.) Въ какомъ смыслѣ нужно понимать и въ какомъ дѣйствительно понимаютъ эти и подобныя деклараціи нынѣшняго японскаго правительства представители иностранныхъ державъ, миссіонеры и Японскій народъ, видно изъ слѣдующихъ небывалыхъ до прошлаго года фактовъ. Уже въ христіанскихъ церквяхъ, наравнѣ съ иностранными министрами и другими иностранными христіанами, открыто молятся Богу японскіе христіане (я самъ видѣлъ это въ минувшую католическую и протестантскую Пасху, въ Йокохамѣ). Уже о принявшихъ христіанскую вѣру Японцахъ сами миссіонеры извѣщаютъ во все услышаніе въ періодическихъ изданіяхъ, называя Японцевъ по именамъ, или описывая ихъ такъ что всякій, кто пожелаетъ, тотчасъ можетъ найти ихъ (см. *The Record of* *the*

presbyterian Church in the U. S. of America, for June 1869 г. The Foreign Missionary, June 1869; New-York).

Что же значить это японское правительство и запрещаетъ христіанство, и въ то же время игнорируетъ завѣдомыхъ христіанъ? Что другое, какъ не то что японское правительство сознаетъ всю слабость и бесполезность своихъ указовъ. Въ самомъ дѣлѣ, столѣтіе теперь во главѣ правительства нѣсколько удѣльныхъ князей и масса молодежи, успѣвшей или нѣтъ побывать за границей, но во всякомъ случаѣ знакомой болѣе или менѣе съ иностранными науками и порядками, разумеется, еще не знаютъ хорошо христіанской вѣры (да и когда было узнать ее въ пятнадцать лѣтъ, въ продолженіи которыхъ Японцы не успѣли придти въ себя, ослѣпленные блескомъ наружныхъ атрибутовъ европейской цивилизаціи), но они видятъ и чувствуютъ что имъ не защититься отъ этой могучей силы которая такъ властно господствуетъ надъ Европой и Америкой. Какъ атеисты, они, по всей вѣроятности, удивляются этому факту и готовы предложить иностранцамъ тотъ вопросъ который нѣкогда задалъ Нобунага католическимъ миссіонерамъ: „Ужели вы въ самомъ дѣлѣ вѣруете?“ Но много ли нужно для того чтобъ убѣдиться что въ Европѣ и Америкѣ дѣйствительно вѣруютъ и вѣрують искренно и глубоко? Тѣ, которые такъ быстро перешли относительно иностранцевъ отъ презрѣнія къ уваженію и отъ ненависти къ глубокой симпатіи, и которые съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ стараются перенимать и заучивать все иностранное, развѣ замедлятъ окончательно убѣдиться что христіанская вѣра вовсе не колдовство, не ученіе противоправительственное, не орудіе къ завоеванію чужихъ странъ, а напротивъ, чистое, духовное ученіе, единственная истинная религія на землѣ? Предположимъ даже медленный, постепенный ходъ. Вотъ взоръ Японцевъ пока прикованъ къ оболочкѣ европейской цивилизаціи: пароходамъ, пушкамъ, вѣшней постройкѣ конституцій; но всѣ эти молодые люди,—ихъ тысячи,—изучающіе теперь европейскіе языки, ужели всѣ они и вѣчно будутъ заниматься лишь пушками и пароходами? Не пойдутъ ли они дальше? Не заглянутъ ли они глубже и въ европейскую исторію, и въ юридическое право, и во внутренній строй европейскихъ государствъ? И что же они встрѣтятъ? Вездѣ христіанскую религію! И могутъ ли они отдѣлаться отъ знакомства съ нею, основою воихъ

науки и всего государственнаго быта Европы, предпринявъ пересадить къ себѣ и эти науки, и этотъ бытъ? Они, еслибъ и захотѣли, не могли бы этого сдѣлать; но они и не захотятъ: Японцы очень далеки отъ раскольниковаго упорства въ невѣжествѣ и нежеланіи знать резоны противной стороны; живущіе въ Японіи знаютъ какъ Японецъ радъ всегда приобрести Библию, и съ какимъ удовольствіемъ показываетъ оную ея и читаетъ изъ нея тирады своимъ друзьямъ, хотя бы ни онъ самъ, ни его пріатели не были нисколько расположены вѣровать въ написанное: ужь одно то что эта книга почитается Европейцами магически влечетъ къ ней Японца. Что же касается до запрещенія христіанства во имя снѣгу, изъ-за необходимости поддерживать авторитетъ микадо, то это запрещеніе не устоитъ долго, какъ не продлится долго настоящій порядокъ вещей, если только не ждать окончательнаго разстройства Японіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, взглянемъ на характеръ современной японской революціи.

Сѣогуны дома Токугава долго были предметомъ ненависти князей: не по праву пришлась имъ желѣзная рука сѣогуновъ, затворившихъ ихъ въ Едо какъ въ клѣткѣ. Но князья должны были сносить свою участь: на сторонѣ сѣогуновъ была вся нація, пора же ей было, наконецъ, осушить кровь и перевести духъ послѣ долгихъ кровопролитій которыми угощали ее князья во взаимныхъ распряхъ при предшествовавшихъ сѣогуновскихъ династіяхъ. Но вотъ Японія входитъ въ сношенія съ иностранцами: явились у сѣогуна другія дѣла, повѣяло новымъ духомъ; оказалось невозможнымъ долѣе держать на привязи около трехсотъ удѣльныхъ князей скупченныхъ въ Едо; они были распущены. Нѣкоторые изъ нихъ, вздохнувъ вольною грудью, скоро расправили омытые члены, и пошла работа! Тосама (князья добывшіе себѣ лены еще прежде династіи Токугава) особенно не могли простить своего униженія; имъ нужно было, во что бы то ни стало, разчитаться съ сѣогунами. И вотъ выступили на сцену всѣ тѣ громкіе принципы которые, обыкновенно, и прежде пускались въ дѣло при подобныхъ случаяхъ: и возстановленіе правъ ограбленной и униженной императорской династіи, и безпорядки правленія, и стонъ будто бы страждущаго народа. Было бы ни съ чѣмъ несообразною ошибкой полагать что современною революціей Японія обязана вторженію къ нее иностранцевъ. Эта революція

давно уже готовилась. Еще задолго до Европейцевъ князья, сколько возможно было, интриговали противъ сѳогуновъ, подкупами, подъ видомъ подарковъ, завлекали на свою сторону дворъ микадо, жившій въ нищетѣ, старались какъ будто ненавѣренно развращать и идіотить сѳогуновъ. Приходъ иностранцевъ лишь на нѣсколько дѣтъ ускорилъ взрывъ. Въ началѣ прошлаго года произошло открытое столкновение тайкуна и его приверженцевъ съ коалиціей враждебныхъ князей, завладѣвшихъ императорскимъ флагомъ; нѣсколько незначущихъ комбинацій доставили князьямъ побѣду. Никто не приписалъ ей на первый разъ рѣшительнаго значенія. Сѳогуны обладали огромною собственною арміею и довольно большимъ флотомъ; на его сторонѣ были его гофудай (князья получившіе лены отъ Токугава) и даже значительная часть тосама; за него готовы были душу положить его удѣльные подданные и особенно его Едо; самъ сѳогуны на этотъ разъ, какъ нарочно, былъ человекъ извѣстныхъ талантовъ. Всѣ ждали что онъ за стыдъ перваго пораженія заплатитъ врагамъ сторицею. Но, къ общему изумленію, онъ сложилъ съ себя власть, велѣлъ разойтись войскамъ, оставилъ Едо и, въ видѣ смиреннаго кающагося въ своихъ преступленіяхъ предъ императоромъ, удалился на свою родину, въ княжество Мито. Глубокое огорченіе и даже ропотъ большей половины Японіи сопровождали его. А враги торжествовали. Они великодушно оставили ему жизнь, отнятую было у него императорскимъ указомъ, и принялись распоряжаться Японіей: сочинили конституцію, потомъ другую, написали народу множество указовъ ꙗ приказовъ, показали своего 15-ти-лѣтняго микадо иностраннымъ министрамъ, смѣнили служащихъ въ тайкунскихъ городахъ, выславъ, на мѣсто прежнихъ чиновниковъ, знавшихъ свое дѣло, какихъ-то недолѣтковъ. Повидимому, все пошло своимъ чередомъ. Предъ именемъ микадо все пошло, все, кромѣ части арміи сѳогуна, его флота и одного князя, самаго рьянаго изъ его защитниковъ. Флотъ стоялъ въ бездѣйствіи; строптивыя войска стали дѣйствовать въ разсыпную, но они не были страшны безъ главы и безъ опредѣленнаго плана; страшенъ былъ князь, „этотъ врагъ отечества, разбойникъ, измѣнникъ, злодѣй“, какъ именовало его правительство. Но вотъ и онъ смирился, подалъ покорное прошеніе и наложилъ на себя арестъ. Множество сѣверныхъ

князей, его сосѣдей, стали ходатайствовать за него; „умильнымъ слезнымъ челобитьямъ“ не было конца. Чего бы, кажется, лучше простить его, доставить миръ потрясенной было Японіи и оставить ее насладиться плодами либеральной конституціи. Но не то нужно было ководамъ движенія; не объ отечествѣ они хлопотали. Я уже сказалъ что во главѣ современнаго движенія стоятъ нѣсколько сильныхъ удѣльныхъ князей и образованная молодежь, изъ разныхъ княжествъ. Ее можно назвать авангардомъ Японіи на полѣ цивилизаціи: она полна платоническихъ мечтаній о будущемъ величіи своего отечества и въ самомъ дѣлѣ думаетъ ввести у себя англійскую конституцію; но она сама лишь слѣпое орудіе въ рукахъ другой силы, а эта сила два-три удѣльные князя (Сацума, Цёосіу, Тоса), изъ которыхъ каждый питаетъ самыя существенныя надежды на преемство упраздненной единоличной власти. Но овладѣть верховньювластію одному изъ трехсотъ претендентовъ, особенно когда многіе изъ нихъ равны между собою по матеріальнымъ силамъ, трудная задача. Древняя практика указала превосходное средство въ этомъ затрудненіи: нужно ослабить опасныхъ совмѣстниковъ, направивъ ихъ другъ на друга. И вотъ Аидзу, несмотря ни на какія просьбы, не прощается; Сендай, Йонезава, Сёонай и другіе сильные сѣверные князья, несмотря ни на какія отговорки, посылаются на Аидзу; послы за послами отъ этихъ князей скачутъ въ Міяко и обратно. Уже князья готовы были противъ своей воли идти на своего собрата: грозное имя микадо нудило ихъ къ тому; но одно обстоятельство измѣнило все. Совершенно случайно открытъ былъ планъ кововодовъ революціи, имѣвшій основною мыслию именно ослабить сѣверныхъ князей возбуждивъ между ними раздоры. Роли быстро измѣнились: сѣверные князья казнили или выгнали изъ своихъ предѣловъ микадскихъ пословъ, разсланныхъ для понужденія къ скорѣйшему вооруженію, провозгласили съ своей стороны южныхъ князей врагами отечества, соединили свои силы съ Аидзу, всѣ вмѣстѣ заключили клятвенный союзъ противъ южанъ, и полилась кровь. Обѣ воюющія партіи клеймили другъ друга самыми позорными именами, обѣ въ одно и то же время провозглашали своимъ принципомъ возстановленіе императорской власти, очищеніе отечества отъ бунтовщиковъ и возведеніе его на высокую степень могущества и славы. Долго разыгрывалась

эта кровавая драма. Южане имѣли на своей сторонѣ всѣ шансы превосходства; въ ихъ рукахъ былъ императоръ: его имени безпрекословно подчинялись четыре пятыхъ Японіи, по его зову шли огромныя арміи на сѣверъ, по его приказу всѣ покорные князья предоставили въ его распоряженіе свои пароходы и парусныя суда, его именемъ выпускались кредитныя билеты, и купцы принуждались мѣнять на нихъ серебро и золото, нужныя правительству на военныя издержки. Но не столько все это, сколько недостатокъ общаго плана дѣйствій у противниковъ помогъ наконецъ южанамъ взять перевѣсъ. Въ концѣ прошлаго года сѣверные князья одинъ за другимъ покорились. Только Инамото, адмиралъ тайкунскаго флота, выдержалъ свою роль; съ одиннадцатыя судами, во главѣ 5.000 отважнѣйшихъ воиновъ Японіи, онъ выгналъ изъ Хакодате императорское правительство, а изъ Мацмая князя, и завладѣлъ всѣмъ островомъ Эзо. Нынѣ Южане принудили къ покорности и этого послѣдняго изъ своихъ противниковъ: Инамото побѣжденъ. Но волненіе едва ли этимъ окончится. По всей вѣроятности, война не замедлитъ загорѣться на другомъ пунктѣ. Южанъ до сихъ поръ связывалъ общій интересъ — общіе враги. Для общаго дѣла каждый изъ нихъ пока терпѣливо пряталъ своекорыстіе подъ благовидною мантией имперіализма. Нѣтъ этихъ враговъ, они не замедлятъ перессориться между собою; не перессорься они, выступятъ на сцену еще другіе князья. Уже ли можно думать что хламиды считая изъ доскутковъ иноземной конституціи, безъ всякаго вниманія къ національному характеру и требованіямъ страны, придется по вкусу всѣмъ 300 гордыхъ и своеобразныхъ вассаловъ? Кажется, можно сказать навѣрное, что начавшееся волненіе уляжется лишь тогда, когда выступитъ на сцену человекъ съ печатью яркаго таланта на челѣ, въ свое собственное имя станетъ во главѣ движенія, властною рукою укажетъ всѣмъ и всему приличное мѣсто и поведетъ свою націю впередъ. Но такого таланта пока не видно ни на той, ни на другой сторонѣ, и это отсутствіе вождя еще заставляетъ взоры многихъ обращаться на прежняго сѣюгуна. Еще не вѣрится чтобъ онъ погибъ безслѣдно, еще приписываютъ ему глубокіе планы и ждутъ что онъ выступитъ на сцену, но уже выступитъ грозно и славно. Или пусть бы этимъ талантомъ оказался самъ микадо: это было бы истиннымъ благословеніемъ Неба для Японіи. Тогда не

нужно бы было ни ходуль синтуизма, ни какихъ другихъ искусственныхъ приемовъ, тогда и безъ того князя скоро и послушно утихли бы, какъ утихаютъ расшумѣвшіяся дѣти предъ грознымъ учителемъ. Но можетъ ли высохшая мумія оживиться, или увядшее дерево дать плодъ? Двадцатипяти-вѣковая династія, не освѣжаемая притокомъ свѣжей крови и свѣжихъ силъ, въ продолженіи послѣднихъ 1.000 лѣтъ производила лишь полуидіотовъ, или самыхъ незначительныхъ личностей, и теперь, въ лицѣ своего пятнадцати-лѣтняго представителя, по свидѣтельству иностранныхъ очевидцевъ, нисколько не измѣнила себѣ.

ІЕРОМОНАХЪ НИКОЛАЙ,

Настоятель японской колумбовской церкви.